

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

ДЖЕНА
ШОУОЛТЕР

Владыки Преисподней

ТЕМНЫЙ
ШЕПОТ

HARLEQUIN®

Владыки Преисподней

Джена Шоуолтер

Темный шепот

«Центрполиграф»

2009

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Шоултер Д.

Темный шепот / Д. Шоултер — «Центрполиграф»,
2009 — (Владыки Преисподней)

ISBN 978-5-227-08099-8

Сабин, одержимый демоном Сомнения, сам того не желая, уничтожает всех своих возлюбленных. Поэтому бессмертный воин проводит время не в постели, а на поле битвы и мечтает лишь о победе... пока не встречает Гвендолин. Один поцелуй рыжеволосой красавицы-гарпии – и он полностью в ее власти. Гвендолин не хотела бы видеть своим возлюбленным человека, пробуждающего в ней темные силы. Но, когда Сабин спасает ее из тюрьмы, притяжение становится непреодолимым...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08099-8

© Шоултер Д., 2009
© Центрполиграф, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	43
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Джена Шоултер

Темный шепот

The Darkest Whisper

Copyright © 2009 by Gena Showalter

«Темный шепот»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Кресли Коул. Сияющей звезде, несравненному таланту, олицетворению красоты и одной из причин, по которой я существую. Хотела бы я жить в твоей голове.

Никс из «Бессмертных с приходом темноты» за то, что зашла поиграть в моей песочнице.

Кристи Фостер за бесценную помощь.

Кристл за прекрасный заголовок.

Норе Робертс, необыкновенно талантливой женщине и писательнице, которая вдобавок ко всему умеет чинить унитазы!

И ПОСЛЕДНЕЕ имя в этом списке:

Джилл Монро. Думаю, у тебя все хорошо. (Я люблю, обожаю тебя. Безумно. Ты – сияющая звезда, несравненный талант, олицетворение красоты и еще одна из причин, по которой я существую).

Глава 1

Сабин, одержимый демоном Сомнения, стоял в катакомбах древней пирамиды, часто и тяжело дыша, покрытый потом, с руками, обогранными кровью врага. На его теле не осталось живого места после жестокой резни – резни, которую он сам и учинил.

В факелах трепетало оранжево-золотое пламя, пере плетаясь с тенями, мечущимися на каменных стенах. Ярко-алая кровь стекала по стенам, образуя лужицы. Песчаный пол потемнел, стал вязким и влажным. А всего полчаса назад песок был цвета меда, и песчинки, посверкивая, шелестели под их ногами. Теперь небольшой коридор был усеян телами, источавшими запах смерти.

В живых осталось девять врагов. У них отобрали оружие, согнали в угол и связали веревкой. Большинство дрожали от страха. Несколько человек, расправив плечи, гордо подняли головы, в их глазах горела ненависть. Они отказывались сдаваться, даже потерпев поражение. Что ж, достойно восхищения.

Увы, но этих храбрецов ждала печальная участь.

Храбрые люди не выдают свои тайны, а Сабину нужны были их тайны.

Он – воин, который делает то, что нужно и когда нужно, невзирая ни на что. Убивает, мучает, соблазняет. И его люди поступают так же. Когда речь идет об охотниках – смертных, считавших его и его собратьев – Владык Преисподней – средоточием вселенского зла, – победа – единственное, что имеет значение. Лишь выиграв войну, его друзья обретут мир. Мир, которого они заслуживают. Мир, которого он всей душой желает для них.

Сабин слышал тяжелое дыхание. Свое собственное, дыхание его друзей, его врагов. Они бились, отдавая последние силы, каждый из них. Это была битва добра и зла, и зло победило. Или то, что охотники называли злом. Сабин и его собратья по несчастью думали иначе. В незапамятные времена они открыли ларец Пандоры, выпустив на волю укрывшихся в нем демонов. И заплатили за это вечной карой – боги прокляли воинов, заточив демонов в их тела.

Да, когда-то они были рабами своих демонов, не ведающих жалости убийц. Но со временем воины научились укрощать свою вторую половину, стали людьми во всех смыслах этого слова. В большинстве своем.

Иногда демоны вступали в бой... одерживали верх... уничтожали.

«И все же мы заслуживаем того, чтобы жить», – думал Сабин. Как и все остальные, они мучились, видя страдания друзей, читали книги, смотрели фильмы, занимались благотворительностью. Влюблялись. Но охотники считали иначе. Они были преисполнены уверенности, что без Владык мир станет лучше. Утопия, благодатная и прекрасная. По мнению охотников, во всех когда-либо совершенных грехах были повинны демоны. Может, потому, что они были беспросветно тупы. А может, потому, что ненавидели свою жизнь и просто искали виноватых. В любом случае убийство охотников стало самой важной миссией в жизни Сабина. Его личной утопией была жизнь без них.

Именно поэтому он и все остальные, покинув уютный будапештский дом, три недели обшаривали все забытые богом пирамиды Египта в поисках древних артефактов, которые помогли бы вернуть ларец Пандоры – ту самую вещь, с помощью которой охотники собирались уничтожить их. Наконец ему и его друзьям повезло, они сорвали джекпот.

– Аман, – окликнул он, заметив воина в дальнем темном углу. Как всегда, его фигура идеально сливалась с тенью. Мрачным кивком Сабин указал на пленников. – Ты знаешь, что нужно делать.

Аман, одержимый демоном Секретов, кивнул в ответ, прежде чем тронуться с места. Он всегда хранил молчание, словно боялся, что, разжав губы, выдаст ужасные тайны, накопившиеся в нем за столетия.

При виде огромного воина, косившего ряды их собратьев так же легко, как острый кинжал вспарывает шелк, оставшиеся в живых охотники дружно попятились. Даже самые храбрые из них. Очень мудро.

Аман был высок ростом, мускулист, его походка была одновременно решительной и грациозной. С одной только решительностью, лишенный грации, он выглядел бы как самый обычный воин, а благодаря сочетанию этих двух качеств излучал безмолвную свирепость, свойственную хищникам, несущим добычу в свое логово.

Аман приблизился к охотникам и остановился. Оглядел поредевшую толпу. Затем сделал шаг вперед, схватил одного из пленников за горло и поднял так, что смог заглянуть ему в глаза. Ноги несчастного беспомощно забились в воздухе, руки сжали запястья Амана, лицо стало белым как мел.

– Отпусти его, грязный демон! – завопил один из охотников, хватая своего товарища за талию. – Ты уже убил столько невинных людей, разрушил столько жизней!

Аман был бесстрастен и непреклонен. Как и все они.

– Он – хороший человек, – крикнул другой охотник, – и не заслуживает смерти. Особенно от рук исчадия ада!

В следующую секунду рядом с Аманом очутился Гидеон, одержимый демоном Лжи, синеволоный, с подведенными глазами. Одним движением он отбросил протестующих в сторону.

– Тронешь его еще раз, и я тебя поцелую так, что мало не покажется.

Он вынул пару зазубренных кинжалов, все еще покрытых кровью недавних жертв.

В перевернутом мире Гидеона целовать означало бить. Или убивать? Сабин уже не в состоянии был расшифровать язык демона Лжи.

На мгновение в рядах пленников воцарилось замешательство, они пытались понять, что имел в виду Гидеон. Но еще до того, как они успели прийти к какому-то выводу, жертва Амана вдруг затихла, безвольно поникнув, и Аман швырнул тело на пол, где оно замерло неподвижной грудой.

Аман долго стоял не шевелясь. Никто не прикасался к нему. Даже охотники. Они были слишком заняты, пытаясь привести в чувство своего собрата по оружию. Они не знали, что уже слишком поздно, что его мозг уже девственно чист, и Аман стал новым обладателем всех его секретов. И даже воспоминаний. Воин никогда не рассказывал Сабину, как он это проделывает, а Сабин никогда не спрашивал.

Аман медленно и неуклюже повернулся, его тело словно одеревенело. На краткий мучительный миг их глаза встретились, и в его взгляде Сабин увидел боль, вызванную новым голодом в голове. Потом Аман моргнул, пряча боль, как проделывал уже тысячу раз, и направился к дальней стене. Сабин внимательно следил за ним. «Я не должен испытывать чувства вины. Это нужно было сделать».

Стена выглядела так же, как и прочие, выщербленные камни громоздились друг на друга, образуя уклон. Аман положил открытую ладонь на седьмой камень снизу, а сжатые пальцы другой руки – на пятый камень сверху. Синхронным движением он повернул одну руку вправо, другую – влево.

Камни шевельнулись.

Сабин благоговейно следил за движениями Амана. Просто поразительно, сколько успел узнать Аман за краткие доли секунды.

Когда камни утвердились в новом положении, по центру каждого из них вверх и вниз зазмеилась трещина, открывая пространство за стеной, о существовании которого Сабин и не подозревал. Часть стены подалась назад и отъехала в сторону, открывая зияющий провал, достаточно широкий даже для таких огромных чудовищ, как он сам.

Проход становился все шире, в катакомбы хлынул прохладный воздух, факелы зашипели, и пламя их беспорядочно заметалось. «Быстрее», – мысленно твердил он камням. Неужели что-то на свете может двигаться с такой мучительной медлительностью?

– По другую сторону есть охотники? – спросил он, доставая из-за пояса свой «ЗИГ-Зауэр» и проверяя магазин. Осталось три патрона. Он достал еще несколько из кармана и перезарядил пистолет, оставив на месте привычный глушитель.

Аман кивнул и показал семь пальцев прежде, чем занять пост у все расширяющейся бреши.

Семь охотников против десяти Владык. Аман не в счет, он еще не скоро придет в себя, новый голос в его голове помешает ему сосредоточиться на битве. Впрочем, Аман, конечно, потребует (как всегда, молчаливо), чтобы ему позволили сражаться. Несмотря ни на что. Бедные охотники. У них не было ни единого шанса.

– Они знают, что мы здесь?

Аман мотнул темноволосой головой.

Значит, здесь нет камер, следящих за каждым их шагом. Отлично.

– Семь охотников – это суший пустяк, – заявил Люсьен, одержимый демоном Смерти, тяжело привалившись к дальней стене. Он был бледен, его разноцветные глаза блестели от... лихорадки? – Придется вам обойтись без меня. Мне что-то не по себе. Да и все равно мне скоро придется сопровождать души. А потом нужно будет перебросить наших пленников в темницу в Буде.

Благодаря демону Смерти Люсьен мог перемещаться в пространстве силой мысли, и ему часто приходилось провожать умерших в загробный мир. Но это совсем не означало, что сам он был неуязвим. Сабин, нахмурившись, посмотрел на него. Шрамы на лице Люсьена стали более отчетливыми, нос был явно сломан. Одна пуля засела в плече, другая в животе, а третья, судя по алому пятну, расплывавшемуся на пояснице, угодила в почку.

– Ты в порядке, дружище?

Люсьен криво улыбнулся:

– Я выживу. Хотя завтра, возможно, пожалею об этом. Внутренности в кашу. Да уж, это мне знакомо, приходилось восстанавливаться после такого.

– Ну, по крайней мере, тебе не придется отрачивать конечности.

Краем глаза он заметил Амана, машущего руками.

– Камер нет, а еще там помещение со звуконепроницаемыми стенами, – перевел на привычный язык Сабин. – Это древняя тюрьма, и хозяева не хотели, чтобы кто-нибудь слышал крики их рабов. Охотники даже не догадываются о нашем присутствии, что ж, тем легче будет заманить их в засаду.

– Для такого пустяка, как засада, я вам не нужен. Я останусь здесь, рядом с Люсьеном, – сказал Рейес, он сполз на землю и сел, привалившись спиной к стене. Физические страдания доставляли ему истинное наслаждение, а раны лишь прибавляли сил. Во время битвы. После сражения он слабел, как и любой другой. Рейес был изрядно помят, а щека так опухла, что он едва мог видеть. – К тому же кто-то должен стеречь пленников.

Значит, семеро против восьми. Бедные охотники. Сабин подозревал, что на самом деле Рейес решил остаться, чтобы охранять тело Люсьена. Люсьен мог перенести свое тело в загробный мир, только если ему хватало на это сил, а сейчас он был явно не в лучшей форме.

– Ваши женщины откусят мне голову, – пробормотал Сабин.

Эти двое недавно обрели свою любовь, и перед тем, как воины отправились в Египет, Аня с Даникой попросили Сабина лишь об одном – вернуть мужчин целыми и невредимыми.

Если ребята возвратятся домой в таком состоянии, Даника покачает головой, укоризненно глядя на Сабина, и бросится облегчать страдания Рейеса, а Сабин будет чувствовать

себя полным ничтожеством. Аня подстрелит его точно так же, как ранили Люсьена, затем поспешит утешить своего возлюбленного, а Сабину будет больно. Очень, очень больно.

Вздыхнув, Сабин оглядел оставшихся воинов, пытаясь решить, кого взять с собой, а кого лучше оставить здесь. Мэддокс – хранитель демона Насилия – был самым свирепым и беспощадным бойцом из всех известных Сабину. Его раны кровоточили, он тяжело дышал, но уже присоединился к Аману, готовый ринуться в бой. Его женщина тоже вряд ли скажет Сабину спасибо.

Легкое движение. Появилась прелестная Камео. Она была одержима демоном Печали и единственной женщиной-воином среди них. Небольшой рост она с лихвой компенсировала жестокостью. Кроме того, стоило ей заговорить – и при звуках ее голоса, в котором звучала вся скорбь мира, люди готовы были сами лишиться себя жизни, ей даже не нужно было прилагать для этого особых усилий. Кто-то ранил Камео в шею, оставив три глубоких пореза. Но это не остановило ее. Вычистив мачете, она присоединилась к Аману и Мэддоксу.

Снова движение. Парис – одержимый демоном Разврата – когда-то был самым жизне-радостным среди них. Но в последнее время с каждым днем он становился все более безжалостным и беспокойным, Сабин не понимал, чем вызвана такая перемена. Он стоял перед охотниками, тяжело дыша и издавая рычание, жажда крови переполняла его, он дрожал от пожиравшей его жестокой энергии. Из двух ран на его правой ноге хлестала кровь, но Сабин знал, что этот воин не скоро запросит пощады.

Рядом с ним стоял Аэрон, одержимый демоном Ярости. Лишь недавно боги освободили его от проклятия кровожадности, губившего всех, кто осмеливался приблизиться к Аэрому. Он жил, чтобы калечить, убивать. В такие моменты, как этот, проклятие, казалось, снова завладевало им. Он сражался как прежде, когда его снедала жажда кровопролития, рубя на куски и калеча всех, кто подворачивался ему под руку. Это было неплохо, вот только...

Есть ли пределы у этой одержимости? Сабин боялся, что ему придется призвать на помощь Легион, маленькую кровожадную демоницу, которая почитала Аэрона как бога. Лишь она одна могла успокоить Аэрона, когда тот пребывал в дурном расположении духа. К несчастью, как раз сейчас она по их поручению инспектировала преисподнюю. Сабин предпочитал быть в курсе того, что там происходит. Знание – сила, никогда не знаешь, что может пригодиться.

Аэрон вдруг обрушил тяжелый кулак на висок охотника, и тот мешком повалился на пол. Сабин недоуменно посмотрел на него.

– Зачем ты это сделал?

– Он собирался напасть.

Это было маловероятно, но Парис вдруг словно сорвался с невидимой привязи, удерживавшей его на месте, и бросился на оставшихся охотников, методично нанося удар за ударом, пока последняя из жертв не свалилась без чувств.

– Это утихомирит их на некоторое время, будут спокойными, как Аман, – отрезал он.

Вздыхнув, Сабин обратил взгляд на Страйдера, одержимого демоном Поражения.

Каждое поражение причиняло ему мучительную боль, поэтому он всегда стремился к победе. Всегда. Возможно, именно поэтому он сейчас выковыривал засевшую в боку пулю, готовясь к предстоящей схватке. Отлично. Сабин знал, что может рассчитывать на него.

Кейн, одержимый демоном Бедствий, подошел к нему, уворачиваясь от каменной крошки, сыпавшейся сверху и поднимающей облака пыли. Некоторые воины закашлялись.

– Послушай, Кейн, – сказал Сабин. – Почему бы тебе тоже не остаться здесь? Ты мог бы помочь Рейесу присмотреть за пленниками.

Слабая отговорка, и они оба знали это.

Воцарилось молчание, нарушаемое лишь скрежетом камня по песку, – проем продолжал медленно расширяться. Затем Кейн коротко кивнул. Он не любил оставаться в стороне,

Сабину это было прекрасно известно, но иногда его присутствие приносило больше хлопот, чем помогало. А Сабин всегда ставил победу выше чувств своих друзей. Это не доставляло ему удовольствия, и в другой ситуации он поступил бы иначе, но кто-то должен был руководствоваться разумом, в противном случае их ждало неминуемое поражение.

Если Кейн останется здесь, числом они будут равны – семеро против семерых. Все честно. Бедные охотники. У них по-прежнему не было шансов.

– Кто-нибудь еще хочет остаться?

Раздалось дружное «нет». Сабин разделял энтузиазм своих воинов.

До тех пор, пока ларец Пандоры не будет найден, им придется вступать в схватки с врагом. Однако его не отыскать без треклятых божественных артефактов, указывающих верный путь. Одна из четырех реликвий предположительно находилась в Египте, поэтому предстоящее сражение было важнее всех прочих. Он не мог позволить охотникам захватить ни единого артефакта, потому что ларец Пандоры мог уничтожить Сабина и всех, кто был ему дорог, исторгнув демонов из их тел и оставив лишь безжизненные оболочки.

Он был уверен, что сегодня их ждет победа, но знал, что для этого ему придется потрудиться. Во главе охотников стоял Гален, заклятый враг Сабина, одержимый демоном бессмертный, скрывающий свою суть. Эти «защитники справедливости» располагали сведениями, доступ к которым для простых смертных был закрыт. Например, как отвлечь внимание Владык... как захватить их в плен... как уничтожить.

Наконец каменная плита замерла, и Аман заглянул в отверстие. Он махнул рукой, показывая, что путь свободен. Никто не пошевелился. Соратники Сабина и воины Люсьена лишь недавно, после тысячелетней разлуки, снова стали сражаться бок о бок и еще не научились действовать как единая сила.

– Ну что, мы сделаем это или будем стоять тут и ждать, когда они найдут нас? – проворчал Аэрон. – Лично я готов.

– Посмотри на себя, само благородие, – ухмыльнулся Гидеон. – Я разочарован.

Пора брать дело в свои руки, решил Сабин, напряженно обдумывая стратегию. За последние несколько столетий он не добился большого успеха в борьбе с охотниками, его воины бросались в битву, движимые одним стремлением – убивать. Но число вражеских бойцов все увеличивалось, и, это надо было признать, ненависть их возрастала столь же стремительно. Пришла пора разрабатывать новые методы ведения войны. Прежде чем действовать, нужно было понять, какими ресурсами он располагает и каковы его слабые стороны.

– Я пойду первым, у меня нет серьезных ран. – Сабин провел пальцем по спусковому крючку своего пистолета, потом неохотно спрятал его в кобуру. – Я хочу, чтобы вы разбились на пары. Тот, кто получил легкие ранения, пусть помогает тому, кто пострадал тяжелее. Будете работать вместе. Тяжелораненый прикрывает, второй сосредотачивается на цели. Старайтесь не убивать без крайней необходимости. Я знаю, вам нелегко щадить врагов, это противоречит вашим инстинктам, но не тревожьтесь. Все они скоро умрут. Как только мы вычислим главаря и узнаем его тайны, они станут бесполезны и вы сможете делать с ними все, что захотите.

Троица, преграждавшая ему путь, отступила, и Сабин скользнул в узкий проход. Остальные последовали за ним. Они шагали почти бесшумно, слышался лишь легкий шепот шагов. Фонарики на батарейках освещали покрытые иероглифами стены. Взгляд Сабина лишь на секунду упал на эти рисунки, но они надолго запечатлелись в его памяти. Они изображали пленников, которых одного за другим предавали мучительной казни, вырывая из груди еще трепещущее сердце.

Человеческие запахи забивали затхлый пыльный воздух: одеколон, пот, ароматы еды. Как давно охотники обитают здесь? Что они здесь делают? А что, если они уже обнаружили артефакт?

Вопросы промелькнули в его голове, и демон тут же вцепился в них. Такова уж природа демона Сомнения. «Наверняка они знают то, чего не знаешь ты. И этого может быть достаточно, чтобы уничтожить тебя. Вполне возможно, этой ночью твои друзья расстанутся с жизнью».

Демон Сомнения почему-то не мог солгать, не заставив при этом Сабина потерять сознание. Ему оставалось лишь изводить своих жертв, насмехаясь над ними и терзая их сомнениями. Сабин никогда не понимал, почему чудовище из Преисподней не может прибегнуть к обману, но давно смирился с этим. Видимо, демон был поражен своим собственным проклятием. Нет, этой ночью он не позволит себе свалиться без чувств. «Главное – не сдаваться, и тогда всю следующую неделю я проведу в своей спальне наедине с книгой, чтобы не думать слишком много».

«Но мне нужна пища», – проскулил демон.

А лучшей пищей для него было порождаемое им беспокойство.

«Скоро».

«Поторопись».

Сабин поднял руку, остановился, и воины, шедшие за ним, замерли. Впереди он увидел комнату с открытой дверью. В коридоре эхом отдавались голоса, и шаги, и какой-то звук, напоминавший жужжание сверла.

Охотники явно были чем-то заняты и буквально напрашивались на нападение из засады. «И я сейчас им это устрою».

«В самом деле? – начал демон, не обращая внимания на угрожающий тон Сабина. – В прошлый раз...»

«Забудь обо мне. Вот пища, которую я тебе обещал».

В голове Сабина раздался ликующий возглас, и демон Сомнения раскрыл свой разум охотникам в пирамиде, нашептывая разрушительные мысли: «Все бессмысленно... а что, если ты ошибаешься... ты слаб... ты можешь погибнуть...»

Разговоры в комнате стихли. Кто-то даже застонал.

Сабин показал один палец, затем второй. Когда он выпрямил третий, они ринулись в бой, и воинственный клич эхом прокатился по подземелью.

Глава 2

Гвендолин Застенчивая отпрянула к дальней стене своей стеклянной камеры, когда орда неправдоподобно высоких, мускулистых, покрытых кровью воинов ворвалась в комнату, которую она любила и одновременно ненавидела, где провела больше года. Гвен любила стеклянную клетку, когда ее выпускали из нее, это была некоторая иллюзия свободы. И ненавидела эту комнату за все то страшное, что творилось здесь. Злые деяния, которым она была свидетелем и которые приводили ее в ужас.

Люди, которые творили это зло, испуганно вскрикнули, роняя чашки Петри, иглы, пробирки и прочие инструменты. Стекло разлетелось вдребезги. Эхом отозвались кровожадные крики, нападавшие бросились вперед, мастерски нанося удары руками и ногами. Их жертвы падали одна за другой как подкошенные. Исход битвы был ясен.

Гвен дрожала, не зная, что будет с ней и с другими, когда сражение закончится. Совершенно очевидно, что эти воины – бессмертные, как и она, как все те женщины из соседних камер. Мужчины были слишком крепкими, слишком сильными, во всем превосходя смертных. Но кто они такие, Гвен не знала. Зачем они явились сюда? Чего хотят?

Минувший год принес ей слишком много разочарований, и она уже не осмеливалась надеяться, что воины пришли сюда, чтобы освободить ее. Неужели ее и других так и оставят гнить в этом подземелье? Или незваные гости будут обращаться с ними так же, как и ненавистные тюремщики?

– Прикончите их! – крикнула одна из пленниц воинам, при звуках ее резкого сердитого голоса Гвен обхватила себя руками. – Пусть они мучаются так, как мучились мы.

Стекло, отделявшее женщин от внешнего мира, было толстым и прочным, непроницаемым для кулака или пули, и все же каждый звук, раздававшийся в комнате и камерах, отдавался в ушах Гвен колокольным звоном.

Она знала, как блокировать шум, сестры научили ее этому, когда она была еще ребенком, но Гвен хотела слышать, как страдают ее тюремщики. Их пронзительные стоны казались Гвен колыбельной. Сладкозвучной и успокаивающей.

Странно, однако, что, как бы сильны ни были воины, они ни разу не нанесли смертельного удара. Они лишь ранили своих жертв одну за другой, лишая их сознания, и тут же устремлялись к новой цели. Через несколько минут все было кончено, уцелел лишь один смертный. Худший из всех.

Один из воинов приблизился к нему. Все его соратники были опытными воинами, но этот использовал самые грязные приемы, целясь в пах, в горло. Он поднял руку, словно собираясь нанести смертельный удар, но в этот миг увидел широко распахнутые глаза Гвен и замер, его рука медленно опустилась.

У Гвен перехватило дыхание. Каштановые волосы, влажные от крови, прилипли к его голове. У него были глаза цвета бренди, глубокие и темные, и в них сверкали алые искорки. Нет, это невозможно. Должно быть, это алое свечение просто привиделось ей. Каждая черточка его резко очерченного, словно высеченного из гранита лица излучала угрозу, и в то же время в нем было что-то... мальчишеское. Поразительное противоречие.

Рубашка его была изорвана в клочья, и каждое движение открывало взору крепкие мускулы, бронзовые от солнца. Ах, солнце. Как она истосковалась по нему. На правом боку воина виднелась татуировка в виде фиолетовой бабочки, спускающаяся к поясу его брюк. Заостренные кончики крыльев делали ее одновременно женственной и по-мужски дерзкой. Интересно, почему именно бабочка, подумала Гвен. Странно, что столь сильный и суровый воин выбрал такой рисунок. Однако, какова бы ни была причина, татуировка подействовала на нее успокаивающе.

– Помоги нам, – сказала она, надеясь, что бессмертный услышит ее сквозь звуконепроницаемое стекло. Но даже если он и услышал ее, то не подал виду. – Освободи нас.

Никакой реакции.

А вдруг они оставят ее здесь? Или хуже того – что, если они пришли сюда за тем же, что и смертные?

Странные мысли вдруг заполнили ее сознание. Она нахмурилась, даже побледнела. Эти страхи были привычны ей, совсем недавно она уже испытывала нечто подобное. Но сейчас что-то было не так... мысли были чужими... Они не принадлежали Гвен, с ней говорил не ее внутренний голос. Как?... что?..

Острыми белыми зубами мужчина прикусил нижнюю губу, судорожно схватился за виски, он явно был вне себя от ярости.

Что, если...

– Прекрати! – прорычал он.

Мысль, формирующаяся в ее голове, вдруг оборвалась. Гвен изумленно заморгала. Нахмурившись, воин помотал головой.

Заметив, что бессмертный отвлекся, человек, мучивший Гвен, решил действовать и бросился вперед, сокращая разделявшее их расстояние.

– Оглянись! – крикнула Гвен, выпрямившись.

Не отрывая от нее взгляда, воин с лицом, словно высеченным из гранита, вытянул руку и схватил человека за шею, одновременно душа и останавливая его. Мужчина – его звали Крис – судорожно задергался в стальной хватке. Он был молод, не старше двадцати пяти, но руководил и охраной, и учеными. Этого человека Гвен ненавидела сильнее, чем плен.

«Все, что делаю, я делаю во имя всеобщего блага, – любил он повторять перед тем, как изнасиловать одну из женщин на глазах у Гвен. Он мог бы оплодотворить их искусственным путем, но предпочитал унижение физическим насилием. – Хотел бы я, чтобы ты была на ее месте, – часто добавлял он. – Все эти женщины – лишь суррогат, твоя замена».

Несмотря на пожиравшее его вождение, Крис так и не притронулся к ней. Он слишком ее боялся. Они все ее боялись. Они знали, что она собой представляет, видели ее в деле в тот день, когда пришли за ней. Стоит нечаянно пристукнуть пару человек, и твоя репутация безнадежно испорчена, думала она. Однако вместо того, чтобы уничтожить Гвен, они схватили ее и принялись проводить эксперименты, распыляя через вентиляцию разные наркотики в надежде, что она отключится и ее можно будет использовать. Успеха они не добились, но и сдаваться не собирались.

– Сабин, нет, – сказала красивая темноволосая женщина, похлопав по плечу воина с красными глазами. В ее голосе звучала такая скорбь, что Гвен невольно сжалась в комок. – Ты сам говорил, что он может нам пригодиться.

Сабин. Сильное имя, напоминающее об оружии. Ему подходит.

Не любовники ли эти двое?

Наконец он отвел от Гвен пристальный взгляд, и она позволила себе вздохнуть. Сабин разжал руку, и ублюдок без сознания повалился на пол. Гвен знала, что он еще жив, она слышала, как кровь струится по его жилам, как дыхание со свистом вырывается из легких.

– Кто эти женщины? – спросил светловолосый воин.

У него были ясные голубые глаза и славное лицо, сулившее сочувствие и безопасность, но он был не из тех, с кем Гвен могла бы безмятежно уснуть рядом. Уснуть. Глубоко. Без опаски. Наконец-то.

Все эти долгие месяцы она боялась спать, зная, что Крис непременно воспользуется этим, чтобы застать ее врасплох. Лишь время от времени она погружалась в короткую беспокойную дремоту, никогда не теряя бдительности. Иногда она еле сдерживала желание отдаться этому мерзавцу в обмен на возможность закрыть глаза и погрузиться в темный омут забытья.

Черноволокый великан с фиолетовыми глазами вышел вперед, разглядывая камеры рядом с той, в которой томилась Гвен.

– Боги милостивые... Вот эта беременна.

– И та тоже. – У этого воина были разноцветные волосы, бледная кожа и глаза столь же ослепительно-голубые, как у его светловолосого друга, но с темной каймой на радужке. – Какими же ублюдками надо быть, чтобы держать беременных женщин в таких условиях? Это низко даже для охотников.

Женщины, о которых он говорил, барабанили по стеклу, умоляя помочь им, выпустить на свободу.

– Кто-нибудь слышит, что они говорят? – спросил верзила.

– Я слышу, – автоматически ответила Гвен.

Сабин повернулся к ней. Взгляд его карих глаз, уже утративших красноту, вновь устремился на нее, глубокий, пронизывающий... внимательный.

У Гвен по спине побежали мурашки. Неужели он слышит ее? Расширенными от страха глазами она смотрела, как он приближается, пряча за пояс нож. Все ее чувства обострились, она ощутила едва заметный запах пота, лимона и мяты, сделала глубокий вдох, наслаждаясь всеми оттенками аромата. Как долго она не ощущала ничего, кроме запаха Криса и его тошнотворного одеколona, его вонючих лекарств и страха, исходившего от других женщин.

– Ты слышишь нас? – Тембр голоса Сабина был таким же резким, как и черты его лица, и должен был бы пройти по ее напряженным нервам словно наждаком, но странным образом успокоил ее, словно приласкал.

Она робко кивнула.

– А они? – Он указал на остальных пленниц.

Она покачала головой и в свою очередь спросила:

– Ты меня слышишь?

Он тоже отрицательно помотал головой:

– Я читаю по твоим губам.

О... это означало, что он внимательно следил за ней, даже когда она не ощущала на себе его взгляд. Почему-то ей приятно было это сознавать.

– Как открыть камеры? – спросил он.

Ее губы судорожно сжались. Она метнула быстрый взгляд на вооруженных до зубов, покрытых кровью хищников за его спиной. Сказать ему? А что, если они собираются изнасиловать ее подруг по несчастью, как те, другие?

Его суровое лицо смягчилось.

– Мы не причиним вам вреда. Даю тебе слово. Мы просто хотим освободить вас.

Она совсем не знала его и понимала, что ему нельзя доверять, но все же поднялась и, едва держась на ослабевших, дрожащих ногах, дотаскилась до стекла. Очувившись рядом с Сабинном, она поняла, что он гораздо выше ее и что глаза у него не карие, как ей казалось прежде. Это была целая симфония цветов: янтарь, кофе, бронза и рыжие искорки. К счастью, алое свечение уже погасло. А может, оно ей всего лишь почудилось?

– Женщина? – произнес он.

Если он откроет камеру, как обещал... если она сможет собрать всю свою храбрость и не застынет на месте, как обычно... возможно, ей удастся сбежать. Давно похороненная в душе надежда вдруг ожила, неудержимая и волнуемая, смиряемая лишь мыслью о том, что она невольно может причинить вред этим воинам.

«Не беспокойся. До тех пор, пока они не попытаются причинить вред тебе, твое чудовище останется в клетке». Но одно неверное движение с их стороны – и...

Что ж, пожалуй, стоит пойти на риск, подумала Гвен.

– Камни, – сказала она.

Он нахмурился.

– Кости?

С усилием проглотив комок в горле, она подняла руку и ногтем, больше похожим на коготь, нацарапала на стекле слово «камни». Царапины исчезали почти мгновенно. Проклятое стекло богов. Гвен часто задавалась вопросом, как людям удалось заполнить его.

Пауза. Сведя брови, он внимательно смотрел на ее чересчур длинный и острый ноготь. Неужели пытается понять, что она собой представляет?

– Камни? – спросил Сабин, снова посмотрев ей в глаза.

Она кивнула.

Он обвел взглядом комнату. Ему потребовалось на это всего несколько секунд, но Гвен могла поклясться, что в его памяти запечатлелась каждая деталь и он смог бы найти выход отсюда даже в полной темноте.

Воины выстроились за его спиной, выжидающе глядя на нее. В их глазах было что-то еще: любопытство, подозрительность, ненависть – к ней? – и даже вождление. Гвен отпрянула. Она всегда предпочитала ненависть похоти. Она испугалась, что ноги откажут ей, так сильно они дрожали. «Спокойно. Ты не должна поддаваться панике. Когда ты паникуешь, происходят страшные вещи».

Как противостоять этому вождлению? Она не могла прикрыть свое тело, у нее не было никакой другой одежды, кроме той, что была на ней. Схватив Гвен, тюремщики отобрали у нее джинсы и футболку, выдав взамен белую майку и короткую юбочку, – им казалось, что так проще будет до нее добраться. Ублюдки. Несколько месяцев назад одна из лямок майки оторвалась, и Гвен пришлось связать ее под мышкой, чтобы прикрыть грудь.

– Отвернуться, – вдруг прорычал Сабин.

Гвен не раздумывая повиновалась, резко повернувшись к стене, длинные рыжие волосы взметнулись за спиной. Она тяжело дышала, на лбу выступили капельки пота. Зачем ему нужно, чтобы она отвернулась? Чтобы подчинить ее себе?

Воцарилось тяжелое молчание.

– Я имел в виду не тебя, женщина.

На этот раз голос Сабина звучал мягко и ласково.

– Ой, да брось, – сказал кто-то. Она узнала этот дерзкий тон, голос принадлежал светло-волосому мужчине с голубыми глазами. – Ты же не серьезно...

– Вы пугаете ее.

Гвен украдкой посмотрела через плечо.

– Но она... – начал тот, чье тело покрывали татуировки.

И снова Сабин прервал его:

– Вы хотите получить ответы или нет? Я сказал: отвернитесь!

Протестующие возгласы, шарканье ног.

– Женщина.

Она медленно повернулась. Воины послушно демонстрировали ей свои спины.

Сабин прижал ладонь к стеклу. Она была большой, крепкой, без шрамов, но покрытой кровью.

– Какие камни?

Она указала на ящик, стоявший в стороне. Камни были небольшими, размером с кулак, и на каждом виднелись символы, изображавшие разные казни. Среди самых запоминающихся: обезглавливание, отсекание конечностей, ножевые удары, сажание на кол и пламя, пожирающее тело человека, пригвожденного к дереву.

– Отлично, но что мне с ними делать?

Задыхаясь от жгучего желания обрести свободу, она жестами показала, как поместить камень в отверстие, словно ключ в замок.

– Есть разница, какой камень куда вставлять?

Она кивнула и показала, каким камнем открывается каждая камера. При мысли о том, что этими камнями опять кто-то воспользуется, Гвен содрогнулась. В прошлом это означало, что ей придется стать свидетельницей насилия. Обреченно вздохнув, она начала выцарапывать на стекле слово «ключ», но Сабин, не дожидаясь подсказки, обрушил тяжелый кулак на ящик с камнями, разбив крышку. Для этого потребовалась бы сила десятерых, а он сделал это играючи.

На костяшках пальцев появилось несколько порезов. На коже выступили алые капли, но он просто смахнул их, словно это ничего не значило. Раны затягивались буквально на глазах, не оставляя следов. О да. Он явно был не простым смертным. Не эльф – уши у него округлые. Не вампир – нет клыков. Сирена мужского пола? Его голос достаточно звучен, даже приятен, но, возможно, слишком резок.

– Берите по камню, – сказал он, глядя на Гвен.

Все воины как один обернулись. Гвен намеренно не отводила взгляда от Сабина, боясь, что при виде остальных ее обуяет страх. «Ты ведь держишь себя в руках, значит, все в порядке». Она не может, она не совершит ошибку. Ей и без того есть в чем раскаиваться и о чем сожалеть.

Почему она не такая, как ее сестры? Почему она не может быть храброй и сильной, почему не может принять себя такой, какая есть? Если будет нужно, сестры не колеблясь отрежут себе руку или ногу, чтобы сбежать, – и на ее месте они давно сбежали бы отсюда. Разбили бы стекло, вырвали сердце из груди Криса и, смеясь, сожрали бы это сердце у него на глазах.

Ее вдруг охватила острая тоска по дому. Если Тайсон, ее бывший приятель, рассказал сестрам о том, что ее схватили, – а это маловероятно, учитывая, до какой степени он их боялся, – они, возможно, уже ищут ее и не успокоятся, пока не найдут. Несмотря на недостатки Гвен, сестры любили ее и желали ей самого лучшего. Конечно, они будут разочарованы, узнав, что она позволила захватить себя в плен. Она подвела себя и все свое племя. Еще будучи ребенком, она предпочитала избегать конфликтов, поэтому и получила унижительное прозвище Гвендолин Застенчивая.

Почувствовав, как вспотели ладони, она вытерла их о бедра.

Сабин руководил своими людьми, указывая им, какие камни в какие отверстия вставлять. Пару раз он ошибся, но Гвен это не беспокоило. Сами разберутся. Он правильно определил ее камень, и когда один из мужчин, синеволосый, с пирсингом, настоящий панк, протянул руку к этому камню, сильные загорелые пальцы Сабина схватили его за запястье.

Синеволосый уставился на Сабина.

– Это мое, – сказал тот, покачав головой.

Панк ухмыльнулся:

– Отвратительное зрелище, не правда ли?

Сабин нахмурился.

Гвен растерянно заморгала. Почему он так говорит? Неужели Сабину тоже отвратителен ее вид?

Постепенно воины освободили всех женщин. Одни рыдали, другие рвались прочь из камер. Мужчины не давали им уйти, ловили, но, к удивлению Гвен, обращались с ними очень осторожно, даже когда женщины отчаянно сопротивлялись. Самый красивый мужчина из всех, с разноцветными волосами, подходил к женщинам, едва слышно шепча каждой: «Спи, милая».

Удивительно, но они повиновались, поникая в крепких руках воинов.

Сабин наклонился и взял камень Гвен, тот, на котором был изображен мужчина, сжигаемый заживо.

Выпрямившись, он подбросил камень в воздух и с легкостью поймал его.

– Не убегай, хорошо? Я устал и не хочу гоняться за тобой, но мне придется, если ты меня вынудишь. И я боюсь нечаянно причинить тебе вред.

«Мы оба этого боимся», – подумала Гвен.

– Не... не выпускай ее, – вдруг с усилием проговорил Крис. Когда он пришел в себя? Он поднял голову и сплюнул. Вокруг его глаз уже наливались синяки. – Опасна. Смертельно.

– Камео, – позвал Сабин.

Женщина-воин знала, чего он хочет. Приблизившись к смертному, она схватила его за ворот рубашки и легко поставила на ноги. Кинжал, зажатый в другой руке, поднесла к его сонной артерии. Крис не сопротивлялся, то ли оттого, что ослабел, то ли от страха.

Гвен очень надеялась, что его удерживает на месте страх. Надеялась каждой клеточкой своего тела. Ее взгляд был прикован к кончику кинжала. Как ей хотелось, чтобы он воткнулся в глотку этого ублюдка, пронзая кожу и кости, причиняя ему мучительные страдания.

«Да, – думала она, завороченно глядя на кинжал. – Да, да, да. Сделай это. Пожалуйста, сделай это. Режь его, заставь его страдать».

– Что мне с ним сделать? – спросила Камео у Сабина.

– Держи его. Он нужен мне живым.

Плечи Гвен поникли от разочарования. Но с разочарованием пришло вдруг пугающее осознание. Она контролировала себя, и все же живущее в ней чудовище едва не вырвалось на свободу. Все эти мысли о боли и страданиях не принадлежали ей. Не могли ей принадлежать. «„Опасна, – сказал Крис. – Смертельно“». Он прав. Ты должна держать себя в руках».

– Но не стесняйся, можешь немного помучить его, – добавил Сабин и, прищурившись, посмотрел на Гвен.

Он что... рассердился? На нее? Но почему? Что она сделала?

– Не выпускай девчонку, – повторил Крис. По его телу прокатилась дрожь. Он попытался вырваться, но Камео, которая явно была сильнее, чем казалось, вернула его на место. – Пожалуйста, не делай этого.

– Может быть, оставить рыжую в камере? – предложила хрупкая воительница. – По крайней мере, пока. На всякий случай.

Сабин поднял камень, помедлил мгновение перед тем, как опустить его в отверстие рядом с камерой Гвен.

– Это же охотник. Лжец. Думаю, он обидел ее и не хочет, чтобы она рассказала нам об этом.

Гвен моргнула, глядя на него изумленно и благоговейно. Он злился не на нее, а на Крису – охотника – за то, что тот мог сделать с ней. Он не причинит ей вреда. Он хочет освободить ее.

– Ведь это правда? – спросил ее Сабин. – Он обидел тебя?

Щеки Гвен вспыхнули от унижения. Она кивнула.

Эмоционально Крис уничтожил ее.

Сабин провел языком по зубам.

– Он заплатит за это. Обещаю.

Постепенно ее смущение растаяло. Мать, вычеркнувшая Гвен из своей жизни почти два года назад, скорее предпочла бы видеть дочь мертвой, чем слабой, а этот мужчина... этот незнакомец... хочет отомстить за нее.

Крис нервно сглотнул:

– Послушай меня. Прощу тебя. Я знаю, я тебе враг, и не стану лгать и притворяться, что ты не враг мне. Ты – враг. Я ненавижу тебя всеми фибрами души. Но если тыпустишь ее, она убьет нас всех. Клянусь.

– Ты в самом деле попытаешься убить нас, милая? – спросил Сабин, и его голос звучал еще мягче, чем прежде.

Гвен привыкла слышать от тюремщиков только «сука» да «шлюха», и теперь блаженство овевало ее, словно летний ветерок, напоенный ароматом роз. За несколько минут этот мужчина дал ей то, о чем она мечтала все время, проведенное в неволе: он пришел, рыцарь в сияющих

доспехах, готовый сразиться с драконом. Когда-то она думала, что этим рыцарем станет Тайсон или даже отец, которого она никогда не знала, но нет... и все же иногда мечты сбываются.

– Рыжая?

Гвен вздрогнула, словно очнувшись от забытья. О чем он спрашивал? Ах да. Попытается ли она убить Сабина и его друзей. Облизнув пересохшие губы, она помотала головой. Если ее зверь возьмет верх, она не просто попытается. Она сделает это. «Я держу себя в руках. По крайней мере, стараюсь. С ними все будет в порядке».

– Я так и думал.

Одним движением Сабин опустил камень в отверстие. Сердце Гвен колотилось в груди, едва не ломая ребра. Стекло медленно поднималось... поднималось... скоро... скоро... А потом между ней и Сабинном остался лишь воздух. Аромат лимона и мяты усилился. Прохлада, к которой она привыкла, сменилась духотой.

На ее губах расцвела улыбка. Свободна. Наконец она была свободна.

Сабин с усилием втянул воздух.

– О боги... ты невероятна.

Гвен помимо своей воли сделала шаг вперед, отчаянно, страстно желая контакта, которого была лишена все эти месяцы. Одно-единственное прикосновение – вот все, что ей нужно. Потом она уйдет, отправится домой. Наконец.

Домой.

– Сука! – заорал Крис и задергался, стараясь освободиться от хватки Камео. – Держите ее от меня подальше. Она – чудовище!

Гвен замерла на месте, ее взгляд устремился на мерзавца, который был повинен во всех страданиях и муках, что выпали на ее долю за минувший год. Не говоря уже о том, что он сотворил с ее подругами по несчастью. Ногти Гвен удлинились, превратившись в лезвия. Тонкие, словно паутина, крылья раскрылись за спиной, разрывая хлопковую ткань, и лихорадочно затрепетали. Кровь, будто жидкий металл, растеклась по всему телу, зрение переключилось в инфракрасный диапазон, краски поблекли, теперь Гвен воспринимала только тепловое излучение тел.

В это мгновение она поняла, что никогда не контролировала своего зверя, свою темную сторону. Это была всего лишь иллюзия. Все это время зверь прятался внутри и терпеливо ждал подходящего момента, чтобы нанести удар...

«Только Крис, только Крис, прошу вас, боги, только Крис. – Она снова и снова повторяла про себя эти слова, надеясь, что они усмирят кровожадного мстительного зверя. – Только Крис, не трогай остальных, только Крис».

Но в глубине души она знала, что его уже не остановить.

Глава 3

С той самой минуты, когда Сабин увидел в стеклянной камере прелестную девушку, он не мог оторвать от нее взгляд. Не мог дышать, думать. У нее были длинные, соблазнительно вьющиеся волосы, светло-рыжие, с рубиновыми прядями. Брови цвета темного золота, столь же прелестные. Чуть вздернутый носик и пухлые щечки херувима. А ее глаза... это было воплощение чувственного удовольствия, янтарные, с серебристыми искорками. Гипнотические, завораживающие глаза, обрамленные густыми черными ресницами.

Галогенные лампы, висящие на крюках вдоль стен, заливали ее ярким светом. У других он выставил бы напоказ все недостатки, но ей, напротив, придал сияющий здоровьем вид. Она была невысока ростом, с маленькой округлой грудью, узкими бедрами и ногами достаточно длинными, чтобы обхватить его талию и удерживаться во время самых безумных скачек.

«Не стоит об этом думать. Сам знаешь почему». Да, он знал. Его последняя любовь, Дарла, наложила на себя руки, и он поклялся никогда больше не заводить романы. Но к рыжей его потянуло словно магнитом. Как и его демона, хотя того влекло к девушке по другой причине. Он почуял ее тревогу и выбрал ее объектом для своей атаки, стремясь проникнуть в ее разум, сыграть на ее глубинных страхах.

Однако очень скоро и Сабин, и его демон поняли, что перед ними не простая смертная. Демон не мог прочесть ее мысли до тех пор, пока она сама не выскажет их вслух. Впрочем, это совсем не означало, что она неподвластна его влиянию. Вовсе нет. Демон Сомнения знал, как воспользоваться ситуацией и отравить ее сознание своим ядом. Более того, демон любил, когда ему бросали вызов. Он готов был на все, чтобы вторгнуться в разум девушки и подорвать ее веру во что бы то ни было.

Но кто же она такая? За тысячи лет Сабин научился распознавать многих бессмертных, но сейчас не мог понять, что собой представляет эта девушка. На первый взгляд она казалась человеком. Нежная, хрупкая. Ранимая. Но эти янтарно-серебристые глаза выдавали ее. И когти. Он представил себе, как они впиваются ему в спину...

Зачем охотники взяли ее в плен? Он страшился ответа. Три из шести только что освобожденных женщин были беременны, что могло означать только одно: выведение новой расы охотников. Бессмертных охотников, потому что он узнал двух сирен со шрамами на шее – у них удалили голосовые связки, узнал бледнолицую вампиршу с вырванными клыками, горгону, чьи ядовитые волосы были сбриты, ослепленную дочь Купидона. Видимо, ее лишили зрения, чтобы она не могла завлечь врага в свои любовные сети, предположил Сабин.

Как жестоко обошлись охотники с этими милыми созданиями. Что же они сделали с рыжей, самой красивой из всех? Она была одета всего лишь в майку и крошечную юбку, и Сабин не видел на ее теле ни шрамов, ни синяков, которые указывали бы на плохое обращение. Впрочем, это могло ничего не значить. Многие бессмертные быстро исцелялись.

«Я хочу ее». Девушка буквально излучала смертельную усталость, и все же она улыбалась, благодаря его за то, что освободил ее... Он мог бы умереть за один только взгляд на это сияющее лицо.

«Я тоже хочу ее», – вмешался демон.

«Ты ее не получишь. – А значит, не получит и он. – Помнишь Дарлу? Она была сильной и уверенной в себе, но ты сумел ее сломать».

Ликующий смешок.

«Я помню. Разве это было не забавно?»

Руки Сабина сжались в кулаки. Проклятый демон. Рано или поздно все уступали его темной половине, постоянно нашептывавшей: «Ты недостаточно красива. Ты не так умна, как думаешь. Разве тебя можно полюбить?»

– Сабин, – окликнул его холодный голос Аэрона. – Мы готовы.

Он вышел и поманил девушку за собой:

– Идем.

Но рыжая прижалась к дальней стене камеры, ее тело трепетало от вновь охватившего ее страха. Он думал, она бросится бежать, несмотря на его предостережение, но не ожидал, что ее обуяет такой... ужас.

– Я же сказал тебе, – ласково произнес он, – мы не обидим тебя.

Она открыла рот, но с губ не сорвалось ни единого звука. Золотое свечение ее глаз усилилось, глаза потемнели, белки окрасились черным.

– Что за черт...

Минуту назад она еще стояла перед ним, а в следующее мгновение пропала, словно ее никогда и не было. Сабин огляделся, обшаривая взглядом комнату. И не увидел ее. Спустя мгновение единственный оставшийся в сознании охотник издал мучительный вопль, который вдруг резко оборвался, его тело обмякло, повалилось на песчаный пол, вокруг стала растекаться все увеличивающаяся лужа крови.

– Девушка, – сказал Сабин, схватившись за нож.

Он был полон решимости защитить ее от того, что несколько секунд назад убило охотника, которого он собирался подвергнуть допросу. Но девушки нигде не было. Если она могла перемещаться в пространстве силой мысли, как Люсьен, ей ничто не угрожало. Пусть она была вне его досягаемости, но зато в безопасности. Но как она могла...

– Сзади, – сказала Камео, и впервые в ее голосе слышалась не скорбь, а изумление.

– О, боги... – выдохнул Парис, – я даже не заметил, как она двигалась, и все же...

– Она не... это не... Как ей это удалось?.. – Мэддокс растерянно провел рукой по лицу, словно не веря собственным глазам.

Сабин снова повернулся и увидел ее. Она опять была в своей камере. Сидела, прижав колени к груди, с ее губ капала кровь, а в одной руке она сжимала... трахею? Она вырвала... или выгрызла... мужчине глотку.

Ее глаза снова вернули привычный цвет, золотистый с серыми искорками, но взгляд был совершенно пустым и отстраненным. Видимо, шок от содеянного поверг ее разум в оцепенение. Лицо тоже ничего не выражало. Она так побледнела, что под кожей проступили голубые вены. Она дрожала, раскачиваясь из стороны в сторону, что-то бессвязно бормоча себе под нос. Что за черт?

Охотник назвал ее чудовищем. Сабин ему не поверил. Тогда.

Он вошел в камеру, не вполне осознавая, что делает. Знал только, что не может оставить ее в таком состоянии и не может запереть ее в камере. Во-первых, она не причинила вреда его друзьям. Во-вторых, с ее скоростью передвижения она могла сбегать до того, как опустится стекло камеры, и жестоко наказать его за нарушенное слово.

– Сабин, дружище, – мрачно сказал Гидеон, – ты ведь не хочешь как следует подумать, стоит ли тебе туда входить. На этот раз охотник солгал.

На этот раз. Попробуй еще раз.

– Ты знаешь, что тут происходит?

– Нет. – Это значит «да». – Она не гарпия, отродье Люцифера, который не расхаживал целый год по земле. Я никогда не имел с ними дела прежде и не знаю, что они могут убить целую армию бессмертных за считанные секунды.

Гидеон не мог произнести ни единого слова правды, не обрекая себя на страшные муки. Сабин знал – все, что сказал его друг, – ложь. Следовательно, воину уже приходилось встречать гарпий, и он явно знал, на что они способны. Гарпии были порождением Люцифера, и им ничего не стоило прикончить даже такого смельчака, как он сам.

– Когда? – уточнил он.

Гидеон понял, что Сабин имеет в виду.

– Помнишь, когда я не был в плену?

Ах да. Когда-то Гидеону довелось провести три мучительных месяца в лапах охотников.

– Одна из них не разнесла весь лагерь еще до того, как прозвучал сигнал тревоги. Она никого не убила, и оставшиеся в живых охотники не провели нескольких следующих дней, проклиная все их племя.

– Погоди. Гарпия? Нет, это вряд ли. Она не уродлива. – Эту глубокую мысль изрек Страйдер, любивший объяснять то, что и без того было очевидно. – Как она может быть гарпией?

– Всем известно, что мифы смертных часто не имеют ничего общего с реальностью. То, что в большинстве легенд говорится об отталкивающем облике гарпий, не значит, что они в самом деле уродливы. А теперь все вон. – Сабин отшвырнул оружие. – Я сам с ней разберусь.

Раздались протестующие выкрики.

– Со мной все будет хорошо.

По крайней мере, он на это надеялся.

«Ты ведь можешь пострадать...»

«О, заткнись».

– Она...

– Пойдет с нами, – сказал он, обрывая Мэддокса на полуслове. Он не мог оставить ее здесь. Она была слишком ценным оружием – оружием, которое могло быть использовано против него... или им самим. Да, подумал он, его глаза расширились. Да, конечно. – И мы оставим ее в живых.

– Черт, нет, – сказал Мэддокс. – Я не желаю, чтобы гарпия болталась рядом с Эшлин.

– Ты же видел, что она может...

Теперь уже Мэддокс прервал его:

– Вот именно, видел, именно поэтому и не хочу, чтобы она приближалась к моей беременной женщине. Гарпия останется здесь.

Вот еще одна причина держаться подальше от любви. Она смягчает сердца даже самых закаленных бойцов.

– Она ненавидит этих людей так же сильно, как и мы. Она может помочь нам.

Мэддокс был неумолим.

– Нет.

– Я буду отвечать за нее и позабочусь, чтобы она держала свои когти и клыки при себе.

По крайней мере, он надеялся на это.

– Ты хочешь ее, значит, она твоя, – сказал Страйдер, всегда занимавший его сторону. Славный парень. – Мэддокс согласится, ты ведь никогда не заставлял Эшлин ходить в город и подслушивать разговоры охотников, как бы тебе этого ни хотелось.

Прищурившись, Мэддокс скрипнул зубами.

– Мы должны усмирить ее.

– Нет. Я справлюсь с ней.

Сабину невыносима была мысль о том, что кто-то другой коснется Гвен. Он убеждал себя, что ее, вероятно, мучили, применяя самые устрашающие пытки, и поэтому она может броситься на любого, кто дотронется до нее, но...

Но он знал, что это всего лишь отговорки. Его влекло к ней, а увлеченный мужчина не в силах подавить инстинкт собственника. Даже если этот мужчина зарекается иметь дело с женщинами.

Камео приблизилась к нему, ее внимание было приковано к девушке.

– Пусть Парис займется ею. Он знает, как поладить с самыми кровожадными женщинами. В отличие от тебя. Нам ведь нужно, чтобы она была в хорошем настроении.

Парис, который мог соблазнить любую женщину, смертную и бессмертную? Парис, которому секс нужен был для выживания? Сабин стиснул зубы, его воображение услужливо нарисовало ему пару. Обнаженные тела переплетены, пальцы воина тонут в водопаде волос гарпии, ее лицо излучает блаженство.

Наверное, для девушки так было бы лучше. Вероятно, для всех них было бы лучше так, как сказала Камео. Гарпия с большей охотой поможет им уничтожить охотников, если будет сражаться рядом со своим любовником, а Сабин был решительно настроен привлечь ее на свою сторону. Парис, разумеется, разделит с ней ложе лишь однажды, а потом будет обманывать ее, ведь ради выживания ему нужно постоянно менять женщин. Она разозлится и переметнется к охотникам. Плохая идея, решил он, и не только потому, что ему хотелось так думать.

– Дай мне... пять минут. Если она убьет меня, пусть Парис попытает счастья, – сухо произнес Сабин.

– По крайней мере, позволь Парису погрузить ее в сон, как он сделал с остальными, – настаивала Камео.

Сабин покачал головой:

– Если она проснется слишком рано, испугается и может напасть. Я должен войти к ней в доверие. А теперь уходите. Мне нужно поговорить с ней.

Пауза. Шарканье ног, куда более шумное, чем раньше, ведь сейчас воины несли на руках женщин. И вот он остался наедине с рыжей. Или, вернее, с рыжеватой блондинкой, если так называется цвет ее волос. Она сидела, скорчившись, и бормотала что-то, не выпуская из рук чертову трахею.

«Ты такая плохая девочка, да? – вкрадчиво сказал демон, вбрасывая слова прямо в разум гарпии. – Ты ведь знаешь, что делают с плохими девочками, не так ли?»

«Оставь ее в покое. Пожалуйста, – взмолился Сабин. – Она убила нашего врага, теперь он не сможет отправиться на поиски... и найти... ларец».

При слове «ларец» демон Сомнения издал пронзительный крик. Тысячу лет он провел во тьме ларца Пандоры и не хотел возвращаться туда. Он сделал бы что угодно, лишь бы избежать этого.

Сабин уже не мог существовать без своего демона. Демон стал его неотъемлемой частью, и хотя Сабин иногда с трудом терпел его выходки, он скорее пожертвовал бы легким, чем отдал демона. По крайней мере, легкое он мог себе отрастить.

«Ты можешь помолчать всего несколько минут? – попросил он. – Пожалуйста».

«Ладно».

Удовлетворившись этим обещанием, Сабин вошел в камеру и склонился к девушке, заглядывая ей в глаза.

– Мне жаль, мне так жаль, – монотонно проговорила она, словно ощутив его присутствие. Она не посмотрела ему в лицо, просто сидела, глядя перед собой невидящими глазами. – Я убила тебя?

– Нет, нет, я в порядке. – Бедняжка явно не осознавала, что она сделала и что говорит. – Ты все сделала правильно, плохого человека больше нет.

– Плохая. Да, я очень, очень плохая. – Руки ее теснее обхватили колени.

– Нет, это он был плохим. – Сабин медленно протянул руку. – Позволь мне помочь тебе. Хорошо? – Он положил ладонь на ее пальцы, разжимая их. Окровавленные останки выпали. Подхватив их, Сабин швырнул за спину, подальше от нее. – Так ведь лучше?

К счастью, его прикосновение не вызвало у девушки очередной приступ ярости. Она лишь глубоко вздохнула.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Ч-что?

Очень медленно он отвел прядь волос от ее лица и заправил за ухо. Девушка потянулась к нему, прижалась щекой к его ладони. Он не отвел руку, наслаждаясь шелковистой нежностью ее кожи и сознавая в глубине души, что ступает по тонкому льду. Поощрять влечение, жаждать большего означало обречь ее на страдания, как Дарлу. Но он не отстранился, даже когда она схватила его руку и прижала ее к своей голове, желая, чтобы он ее погладил. Он провел рукой по ее волосам, и она едва не замурлыкала от удовольствия.

Сабин не мог припомнить, когда в последний раз был так... нежен с женщиной, даже с Дарлой. Да, он заботился о ней, но победа для него всегда была важнее ее благополучия. Но сейчас что-то в этой девушке тронуло сокровенные струны его души. Она была такой потерянной и одинокой, Сабину были хорошо известны эти чувства. Ему захотелось обнять ее.

«Видишь? Ты уже хочешь большего». Нахмурившись, Сабин заставил себя отвести руку.

С ее губ сорвался едва слышный отчаянный вскрик, и ему вдруг стало невыносимо трудно удерживать расстояние между ними. Как могло это несчастное создание с такой жесткостью убить человека? Все про изошедшее казалось невероятным, и он сам не поверил бы в эту историю, если бы не видел все собственными глазами. Хотя, по правде говоря, он ничего и не видел, учитывая скорость, с которой гарпия двигалась.

Может быть, подобно ему и его друзьям, она была пленницей темной силы, запертой внутри ее? Возможно, она не в силах была остановить эту силу и та управляла ею словно марионеткой. В тот самый миг, когда эта мысль пришла ему в голову, он понял, что это правда. То, как ее глаза меняли цвет... ужас, обуявший ее от осознания содеянного...

Когда Мэддокса охватывала жажда насилия, порожденная его демоном, с ним происходило то же самое. Бедная девочка не могла справиться со своей природой и, наверное, ненавидела себя за это.

– Как твое имя, рыжая?

Ее губы искривились.

– Имя?

– Да. Имя. Как тебя зовут?

Она моргнула.

– Как меня зовут. – Легкая хрипотца уходила из ее голоса, девушка явно пришла в себя. – Как меня... Ах да. Гвендолин. Гвен. Да, это мое имя.

Гвендолин. Гвен.

– Красивое имя для красивой девушки.

Щеки ее слегка порозовели, она снова моргнула, на этот раз взглянув ему в глаза. На ее губах появилась неуверенная улыбка.

– А ты – Сабин.

Насколько же чутким был ее слух?

– Да.

– Ты не тронул меня. Даже когда я...

В ее голосе звучало удивление, смешанное с сожалением.

– Нет, я не тронул тебя.

Он хотел добавить «и не трону», но не был уверен в том, что это правда. Все помыслы его были сосредоточены на борьбе с охотниками, в этой войне он уже потерял отличного парня, лучшего друга, исцелился от многочисленных ран, едва не стоивших ему жизни, похоронил несколько погибших подруг. Если будет нужно, он пожертвует и этой птичкой, и не важно, хочет он ее или нет.

«Может быть, твое сердце смягчится...» – вдруг сказал демон.

«Нет». Это была клятва, потому что он не хотел, отказывался думать иначе. Произнося это короткое слово, он лишь подтверждал то, что всегда знал, – его нельзя назвать человеком чести. В случае необходимости он не колеблясь использует эту девушку.

Взгляд Гвен скользнул в сторону, и ее улыбка угасла.

– А где твои люди? Они же были здесь. Неужели я... я...

– Нет, ты не тронула их, никто не пострадал. Они просто вышли отсюда, клянусь.

С ее губ сорвался вздох облегчения, плечи расслабились.

– Спасибо.

Казалось, она разговаривает с самой собой.

– Я... о, боги...

Сабин понял, что она заметила убитого ею охотника. Девушка снова побледнела.

– Он... у него нет... и вся эта кровь... как я могла... Сабин отклонился в сторону, загоразивая собой окровавленное тело.

– Хочешь пить? Ты голодна?

Взгляд ее необычных глаз устремился на него, в них вспыхнул живой интерес.

– У тебя есть еда? Настоящая еда?

Каждый мускул его тела напрягся при виде ее оживившегося лица. Девушка находилась буквально в состоянии эйфории. Впрочем, может быть, она просто играет с ним, притворяется возбужденной, чтобы отвлечь его внимание и при первой же возможности сбежать. «Неужели ты стал совсем таким, как твой демон, и все подвергаешь сомнению?»

– У меня есть энергетические батончики, – сказал он. – Не уверен, что их можно назвать едой, но они придадут тебе сил.

Хотя вряд ли она нуждается в силе.

Гвен зажмурилась и мечтательно вздохнула.

– Энергетические батончики... звучит божественно. Я уже год ничего не ела, но представляла себе пищу. Снова и снова. Шоколад и пирожные, мороженое и арахисовое масло.

Целый год без крошки во рту?

– Они не кормили тебя?

Она открыла глаза. Не кивнула и не ответила утвердительно, но в этом и не было необходимости. Печальное выражение ее лица говорило лучше слов.

Как только он закончит допрашивать охотников, каждый из тех, кого обнаружил в этих катакомбах, умрет. Он сам их прикончит. И на этот раз не будет спешить, насладится каждым ударом, каждой каплей пролитой крови. Эта девушка была гарпией, отродьем Люцифера, как сказал Гидеон, но даже она не заслуживала мучительной пытки голодом.

– Как же тебе удалось выжить? Я знаю, ты – бессмертна, но даже бессмертным нужна пища для поддержания сил.

– Они распыляли что-то через вентиляционную систему, какой-то специальный химикат, чтобы мы не умерли и были послушными.

– С тобой это не сработало, верно?

– Нет. – Маленький розовый язычок жадно облизнул губы. – Ты говорил что-то про энергетические батончики?

– Мы должны выбраться из этой комнаты, чтобы взять их. Ты можешь это сделать?

Или, скорее, согласится ли она на это? Сабин сомневался, что сможет заставить ее сделать что-то против воли, она может рассердиться, и тогда ему несдобровать. Интересно, подумал он, как охотникам удалось изловить ее? Как они сумели запереть ее в клетку и при этом остаться в живых?

Легкое колебание.

– Да. Могу.

Очень медленно Сабин взял ее за руку и помог встать. Она покачнулась. Нет, понял он, она прильнула к нему, стараясь теснее прижаться к его телу. Он застыл на месте, готовый отстраниться – «держишься от нее подальше, ты должен держаться от нее подальше», – но тут

с ее губ сорвался вздох, и теплое дыхание, проникнув сквозь прорехи в рубашке, коснулось его груди.

На этот раз он блаженно зажмурился и даже обнял девушку за талию, притягивая к себе. Гвен доверчиво опустила голову ему на плечо.

– Об этом я тоже мечтала, – прошептала она. – Такой теплый. Такой сильный.

Сабин проглотил внезапно возникший в горле ком, чувствуя, как демон Сомнения мечется по коридорам его разума, гремит решетками в отчаянной попытке сбежать, уничтожить возникшую близость с Гвен.

«Слишком много доверия», – сказал демон так, будто это была опасная болезнь.

В самый раз, сказал бы Сабин, если бы был честен с самим собой. Ему нравилось, когда женщины смотрели на него как на принца, а не как на повелителя тьмы, который вызывает лишь страх и от которого хочется убежать. Ему нравилось, что она доверилась ему, позволяя утешить себя.

Довольно опрометчиво с ее стороны, вынужден был признать Сабин. Он не был героем. Он был злейшим врагом.

«Позволь мне поговорить с ней!» – потребовал демон, словно ребенок, у которого отняли любимую игрушку.

«Умолкни». Стоит только заронить в душу Гвен сомнения, и жестокая гарпия вновь пробудится ото сна, его люди окажутся в опасности. Этого Сабин допустить не мог. Они были слишком важны для него, слишком нужны ему.

Он уже понял, что ради всеобщего блага ему лучше держаться от Гвен на некотором расстоянии. Опустив руки, он отошел в сторону.

– Не трогай. – Слова прозвучали резче, чем ему хотелось, и Гвен побледнела. – А теперь идем. Пора выбираться отсюда.

Глава 4

Эта женщина собиралась убить его, и не только потому, что она была сильнее и куда более жестокой, чем он. А это, судя по всему, было именно так. Ему никогда не приходилось зубами вырывать у человека глотку, и то, что сделала Гвен, произвело на него неизгладимое впечатление. По сравнению с ней Владыки Преисподней выглядели белыми пушистыми котятами.

Целых два дня прошло с тех пор, как Сабин и его команда вытащили Гвен из пирамиды. И единственный раз она испытала настоящее удовольствие, когда впервые после долгого заточения увидела солнце. С того момента она ни на минуту не теряла бдительности. И не ела. Она лишь бросила жадный взгляд на энергетические батончики, которые ей так хотелось попробовать, покачала головой и отвернулась. Она даже не помыслась в переносном душе, который Люсьен достал по просьбе Сабина.

Она не доверяла им, это было очевидно. Не хотела рисковать, подозревая, что ее могут отравить или лишит сознания и воспользоваться ею. Это было понятно и вполне объяснимо. Но, черт побери, он с трудом подавлял желание заставить ее сделать то, что нужно. Ради нее же самой. Без того дерьма, что расплыли в ее камере, Гвен должна была находиться на грани истощения. Она выглядела до предела измученной и грязной, это было странно, ведь остальные женщины были чистыми. Вряд ли ей самой это нравилось, но принуждать ее к чему-либо Сабин не решался. Ему бы не хотелось лишиться трахеи.

Единственное, что она согласилась принять, – одежда. Его одежда. Камуфляжная форма – футболка и штаны с курткой. Форма висела на ней мешком, хотя она закатала рукава и брючины и подвернула пояс штанов. И все же на свете не было женщины прекраснее. С водопадом рыжих кудрей... чувственными губами... она была само совершенство. А осознание того, что на ней сейчас одежда, которая когда-то касалась его тела...

«Пожалуй, пора завязывать с добровольным воздержанием. Скоро».

По возвращении в Буду он сделает вот что – найдет покладистую женщину и хорошо проведет с ней время. Никто не пострадает, потому что сразу после этого он уйдет. Может быть, тогда в его голове прояснится и он поймет, что делать с Гвен.

Кроме того, Сабина тревожило, что взгляд Гвен, забившейся в уголок, неотступно следовал за ним, независимо от того, кто входил в его палатку. Она наблюдала за ним. Так, словно он сейчас представлял для нее наибольшую угрозу. Да, в тот день в подземелье он рывкнул на нее, запретил к нему прикасаться, но он же позаботился и о том, чтобы она благополучно добралась до лагеря, разбитого в пустыне. Он остался с ней, охранял ее, когда остальные воины вернулись в пирамиду, чтобы еще раз тщательно осмотреть ее и убедиться, что ничего не пропустили во время своего первого визита. Неужели он заслуживает того, чтобы на него смотрели как на врага?

«Может быть...»

«Заткнись, Сомнение! Меня твоё мнение не интересует».

«Не понимаю, почему тебя так заботят ее мысли. Ты никогда не был добр к женщинам, не так ли? Забавно, что мне приходится напоминать тебе о Дарле».

Опустившись на утоптаный песок, Сабин с грохотом закрыл крышку ящика с оружием и повернулся к пакету с едой, который принес Парис.

«Дарла, Дарла, Дарла», – напевал демон.

– Я уже сказал, что тебе лучше заткнуться, кусок дерьма. С меня хватит.

Гвен, сидевшая в дальнем углу, резко дернулась, словно он крикнул во весь голос.

– Но я ничего не говорила.

Сабин долго прожил среди смертных и привык вести со своим демоном мысленные разговоры. То, что он забылся сейчас, в присутствии этой пугливой, но все же смертельно опасной женщины... было унижительно.

– Это я не тебе, – пробормотал он.

Побледнев, она обхватила себя руками.

– Тогда с кем ты говорил? Мы же здесь одни.

Он не ответил. Не мог. Не в состоянии был солгать.

Демон никогда не прибегал к обману, и этот его недостаток давным-давно передался и Сабину, который вынужден был говорить правду или отвечать уклончиво. В противном случае его сознание отключалось на несколько дней.

Слава богам, Гвен не стала настаивать.

– Я хочу домой, – мягко сказала она.

– Я знаю.

Вчера Парис расспрашивал всех освобожденных женщин об их заточении. Их в самом деле похитили, изнасиловали, оплодотворили, впоследствии у них собирались отнять детей, чтобы воспитать из них борцов со злом. Потом Люсьен перенес всех женщин – кроме Гвен, не сказавшей Парису ни единого слова, – к их семьям. Сабин надеялся, что там женщины будут надежно укрыты от охотников и обретут наконец покой, которого были лишены в плену.

Из всех возможных мест Гвен выбрала ледяную пустыню Аляски и попросила отправить ее туда. Хотя она и не стала с ними разговаривать, Люсьен готов был выполнить ее просьбу и уже собирался взять ее за руку, но Сабин встал между ними.

– Как я сказал в подземелье, она останется со мной, – заявил он.

У Гвен перехватило дыхание.

– Нет! Я хочу уйти.

– Прости, но этого не будет.

Он не смотрел ей в лицо, боясь, что проявит слабость и уступит, отпустив гарпию на свободу. А ведь ее сила, скорость и свирепость могли помочь ему выиграть войну, а значит, сохранить жизнь его друзьям.

О, боги, как он мечтал положить конец победоносный конец этой кровавой бойне. В сравнении с победой потребности и желания Гвен значили так мало.

И еще он очень хотел поймать и посадить за решетку Галена, которого ненавидел как никого другого.

Гален, некогда преданный забвению Владыка Преисподней, был тем самым человеком, который уговорил воинов помочь ему выкрасть и открыть ларец Пандоры. Втайне он планировал убить их всех и пленить освобожденных ими демонов, став героем в глазах богов. Но все получилось не так, как хотелось этому ублюдку. Боги прокляли Галена, как и других воинов, заточив в его теле демона Надежды.

Если бы этим все и закончилось... Но потом их всех изгнали из рая. Гален, не оставивший надежды уничтожить тех, кто называл его другом, быстро собрал армию разъяренных смертных, охотников, положив начало бесконечной кровавой вражде, которая с каждым годом лишь усиливалась. Если Гвен хотя бы чем-то могла помочь Сабину, ее нельзя было отпускать, слишком ценным оружием она была. Сама она, конечно, думала иначе.

– Пожалуйста, – взмолилась она, – пожалуйста.

– Когда-нибудь я отпущу тебя домой, но не сейчас, – твердо сказал он. – Ты можешь быть полезна нам, нашему делу.

– Не хочу я помогать никакому делу. Я просто хочу домой.

– Прости, но как я уже сказал, в ближайшее время этого не случится.

– Мерзавец, – пробормотала она и замерла, словно ругательство случайно сорвалось с ее губ и теперь она боялась, что он бросится на нее и примется избивать. Поняв, что Сабин не

тронет ее, она немного успокоилась. – Выходит, я сменила одного тюремщика на другого, так? Ты обещал, что не обидишь меня. – Она говорила так мягко, с такой печальной покорностью, что у Сабина... сжалось сердце. – Позволь мне уйти. Пожалуйста.

Было очевидно, что девушка боится. Сабина, его друзей. Или саму себя и свой смертоносный дар. В противном случае она попыталась бы сбежать от него или поторговаться с ним за свою свободу. Однако она не сделала ни того ни другого. Боялась ли она наказания, которое могло последовать, если ее поймают? Или того, что сама может сделать с ними?

Или, как любил нашептывать демон Сомнения в ночной тиши, она вынашивала куда более зловещие планы? Что, если она наживка, искусно состряпанная охотниками ловушка? Ловушка, цель которой – уничтожить его?

Нет, это невозможно, каждый раз возражал Сабин. Девушка не притворяется, она действительно боится. Она дрожит, отказывается от еды. Это означает, что ее страхи, какими бы они ни были, реальны. И чем больше времени она проведет рядом с ним, тем сильнее станут ее страх и сомнения. Вся ее жизнь превратится в пытку. Она будет сомневаться в каждом слове, слетающем с ее губ, в каждом его слове. Она будет ставить под сомнение каждый шаг.

Сабин вздохнул. Остальные уже сомневались в разумности его поступков, и не только его демон был тому причиной. Услышав мольбу Гвен, Люсьен посуровел – редкое зрелище, он всегда держал свои эмоции под контролем. Велев Парису стеречь Гвен, он перенес Сабина в дом, который они снимали в Каире и где могли поговорить, не опасаясь, что их услышат. Особенно Гвен.

Они препирались десять минут. Сабина всегда мучило после подобных перемещений, сейчас ему казалось, что его желудок словно узлом завязался. Он был не в лучшей форме.

– Она опасна, – начал Люсьен.

– Она сильна.

– Она – убийца.

– Ага, как и все мы. Единственная разница в том, что она делает это лучше нас.

Люсьен нахмурился:

– Откуда ты знаешь? Ты видел, как она убила только одного человека.

– И все же ты предпочел бы избавиться от нее именно потому, что она убила человека. И тебе плевать, что это был наш враг. Послушай, охотники знают нас в лицо. Они всегда настороже и неустанно ищут нас. Тот, кто хорошо знал Гвен, мертв, его приятели под замком. Она – наш троянский конь, наш собственный вариант наживки. Они попадутся в ловушку, и она их прикончит.

– Или нас, – пробормотал Люсьен, но Сабин видел, что он напряженно обдумывает его предложение. – Она какая-то... пугливая.

– Я знаю.

– Рядом с тобой ее страх лишь возрастет.

– И это я знаю, – прорычал он.

– Тогда как же ты собираешься сделать из нее солдата?

– Поверь мне, я все обдумал, взвесил все за и против. Не важно, какая она, пугливая или нет, сломленная или нет, у нее есть врожденная способность убивать. Мы можем использовать это себе во благо.

– Сабин...

– Она пойдет с нами, это все. Она моя.

Он не хотел заявлять на нее свои права, не так. Ему не нужна была еще одна обуза. Особенно в виде красивой напуганной женщины, которая никогда не будет ему принадлежать. Но это был единственно возможный выход. Люсьен, Мэддокс и Рейес привели своих женщин в их общий дом, а значит, не будут протестовать против присутствия Гвен.

Не следовало так поступать с ней, нужно было отпустить ее на свободу ради общего блага. Но он уже не раз напоминал себе, что война с охотниками для него важнее всего, важнее даже лучшего друга Бадена, одержимого демоном Неверия. Теперь он мертв, ушел навсегда. Сабин не должен делать никаких исключений для Гвен. Она отправляется с ним в Будапешт, нравится ей это или нет.

Но сначала он собирался накормить ее.

Присев на корточки в нескольких метрах от Гвен, Сабин принялся разворачивать пирожные и бутерброды. Вставил трубочку в пакет с соком. О, боги, как он соскучился по домашней еде, которую готовила Эшлин, и по тем изысканным блюдам, которые Аня «одалживала» в шикарных будапештских ресторанах.

– Когда-нибудь летала на самолете? – спросил он.

– По-почему ты спрашиваешь?

Гвен вздернула подбородок, в глазах вспыхнул огонек. Но ее взгляд был устремлен не на него, а на еду, которую он выкладывал на картонную тарелку.

Живой интерес. Это ему нравилось. Он определенно предпочитал его стоическому безразличию, которое Гвен демонстрировала до этого.

– Мне-то все равно. Я просто хотел убедиться, что ты не собираешься...

Черт. Ну и как ей сказать, не напоминая о том, что она сделала с охотником?

– Что я не собираюсь со страху напасть на вас, – договорила она, ее щеки пылали от смущения и стыда. – В отличие от тебя я не лгу. Посадишь меня на самолет, который не следует на Аляску, и у тебя будет отличная возможность встретиться с моей... темной половиной.

Последние слова она произнесла с заметным усилием.

Его глаза угрожающе сощурились, кое-что, сказанное ею, показалось ему любопытным. Собрав разбросанные пластиковые упаковки, он бросил их в мусорный мешок.

– Что ты имела в виду, когда сказала «в отличие от тебя»? Я никогда не лгал тебе.

И правда, он ни разу не потерял сознание.

– Ты обещал не причинять мне вреда.

На его скулах заиграли желваки.

– Я пальцем тебя не тронул. И не трону.

– Удерживая меня против воли, ты вредишь мне. Ты сказал, что освободишь меня.

– Я освободил тебя, разве нет? Из пирамиды. – Сабин пожал плечами. – И пока ты цела и невредима с физической точки зрения, я считаю, что никакого вреда тебе не причинил. – Он вздохнул. – Неужели тебе так ненавистно мое общество?

Ее губы сжались в тонкую линию.

– Ладно, проехали. Постарайся привыкнуть ко мне. Нам еще много времени предстоит провести вместе.

– Но почему? Ты сказал, что я могу быть тебе полезна, я помню. Но я не понимаю, почему ты считаешь, будто я на что-то способна.

Почему бы не рассказать ей обо всем, подумал он. Может быть, она смягчится и согласится помочь. Или, наоборот, его слова только еще больше напугают ее и она попытается бежать. Сумеет ли он остановить ее?

Но неизвестность пугала Гвен, была для нее пыткой, а она и без того достаточно страдалась.

– Я расскажу тебе все, о чем ты захочешь узнать, – сказал он. – Если ты поешь.

– Нет. Я... я не могу.

Сабин поднял тарелку, давая Гвен возможность полюбоваться ее содержимым. Она завороженно следила за его движениями. Убедившись, что ее внимание приковано к нему, он взял одно из пирожных и откусил половину.

– Не могу, – повторила она, неотрывно глядя на еду.

Проглотив кусок пирожного, он слизнул остатки крема.

– Видишь? Я все еще жив. Никакого яда.

Нерешительно, словно не в силах противиться искушению, Гвен протянула руку. Сабин вложил в нее пирожное, и она поспешно прижала его к груди. Несколько минут девушка молчала, настороженно глядя на Сабина.

– Значит, еда – это плата за покорность? – спросила она наконец.

– Нет. – Гвен не должна думать, что с ним можно торговаться. – Я просто хочу, чтобы ты была жива и здорова.

– О, – сказала она с явным разочарованием.

Что же ее так разочаровало?

Демон Сомнения приплясывал от нетерпения, ему хотелось поскорее выбраться из головы Сабина и подчинить себе разум Гвен. Еще немного, и Сабин не сможет его удержать. А если демон успеет шепнуть ей хоть словечко, все пропало – она швырнет пирожное на землю.

«Съешь его, – мысленно попросил он. – Пожалуйста, съешь его». Еда, может быть, и не самая питательная, но сейчас он был бы счастлив, даже если бы она съела грудку песка.

Наконец она поднесла золотистое пирожное к губам и нерешительно откусила кусочек. Длинные темные ресницы опустились, на лице появилась улыбка. Она буквально излучала исступленный восторг, какой бывает на пике оргазма.

Его тело немедленно откликнулось на этот призыв, каждый мускул напрягся. Сердце учащенно забилось, ладони буквально чесались от неудержимого желания прикоснуться к ней. О, боги, как она прекрасна. Никогда еще ему не приходилось видеть ничего столь совершенного, она была само воплощение плотских наслаждений и чувственности.

Секунду спустя последний кусочек пирожного исчез у Гвен во рту, щеки надулись. Жуя, она протянула руку, молча требуя дать ей еще одно пирожное. Сабин повиновался.

– Можно мне половину? – спросил он, не выпуская пищу из рук.

Ее глаза вдруг потемнели, золотое свечение померкло.

Наверное, нет. Он протянул ей пирожное, и она тут же зачихнула его в рот. Тьма отступила, глаза снова засияли. С уголков ее губ сыпались крошки.

– Пить хочешь?

Он взял пакет с соком.

Она поманила рукой, призывая его поторопиться. За несколько секунд она опустошила пакет до последней капли.

– Не торопись, а то плохо будет.

Радужки ее глаз вдруг снова потемнели. Но, по крайней мере, белки не почернели, как за мгновение до убийства охотника. Сабин подтолкнул к ней тарелку, и она быстро расправилась с остатками пищи.

Покончив с едой, Гвен вернулась в палатку, на ее лице сияла довольная улыбка. Щеки порозовели. Буквально на его глазах ее тело преобразилось, расцвело. Грудь налилась. Тело приобрело соблазнительные изгибы. Его член, и так напряженный и изнывающий от желания, немедленно отреагировал на это зрелище.

«Прекрати. Сейчас же». Опасаясь, что его эрекция может напугать Гвен, Сабин продолжал сидеть на корточках, со сведенными коленями.

«А вдруг ей понравится? А если она попросит тебя подойти к ней и поцеловать ее? Прикоснуться к ней?»

«Умолкни».

Но в это мгновение Гвен вдруг побледнела. Ее улыбка угасла, она свела брови.

– Что случилось? – спросил Сабин.

Не говоря ни слова, она откинула полог палатки, выскользнула наружу и, напрягшись, извергла из себя все, что съела несколько минут назад, каждую каплю и каждую крошку. Вдох-

нув, Сабин поднялся на ноги и достал платок. Смочив его водой из бутылки, он вложил платок в ее руку. Девушка, пошатываясь, дошла до палатки и дрожащей рукой вытерла рот.

– Так и знала, – пробормотала она, снова опускаясь на землю. Обхватив колени руками, она притянула их к груди.

Так и знала что? Что не нужно торопиться, когда ешь? Да. А ведь он предупреждал ее.

Откашлявшись, Сабин решил накормить Гвен снова, когда ее желудок успокоится. А пока они могли бы поговорить. В конце концов она выполнила свою часть сделки. Она поела.

– Ты спрашивала, что мне от тебя нужно. Я скажу тебе. Ты должна помочь мне отыскать и убить людей, повинных в твоём... заточении. – «Осторожнее. Не пробуждай в ее темной половине болезненных воспоминаний». Но другого пути не было... – Другие женщины рассказали, что творилось в подземелье. Лекарства от бесплодия, насилие. Они говорили, что до них в этих камерах побывали и другие женщины. Женщины, которых тоже насиловали, у которых отнимали детей. Судя по всему, это продолжалось годами.

Гвен прижалась спиной к стенке палатки, стараясь отодвинуться как можно дальше, словно стремилась спрятаться, убежать от его слов и образов, которые они порождали.

Сабин и сам испытал отвращение, услышав жуткие истории. Может быть, он и был наполовину демоном, но никогда не делал ничего столь же ужасного, как то, что творили охотники с женщинами в том подземелье.

– Те люди – преступники, – сказал он. – Они должны быть уничтожены.

– Да. – Опустив одну руку, Гвен задумчиво рисовала круги на песке. – Но я... со мной они этого не делали.

Она произнесла эти слова чуть слышно, и Сабину пришлось напрячь слух.

– Не делали что? Не насиловали?

Покусывая нижнюю губу – нервная привычка? – она покачала головой:

– Он слишком боялся меня и потому оставил в покое. По крайней мере, физически. Он... насиловал других на моих глазах.

В ее голосе Сабин уловил виноватые нотки.

Ах вот оно что. Гвен просто чувствует себя ответственной за происшедшее с другими пленницами. Сабин ощутил огромное облегчение. Одна мысль о том, что это прелестное существо могли грубо повалить на землю, раздвинув ей ноги, а она кричала и молила о пощаде, которой ей не суждено было дожидаться... Он вцепился в бедра, его ногти удлиннились, превращаясь в когти, вспарывая ткань.

Когда он вернется в Будапешт, охотники, запертые в темнице, испытают неопишуемые муки, в тысячный раз пообещал себе Сабин. Ему и раньше приходилось мучить людей, это была неотъемлемая часть войны, но, кажется, на этот раз пытки доставят ему истинное наслаждение.

– Почему же они держали тебя взаперти, если так боялись?

– Они думали, что рано или поздно найдут наркотики, которые сделают меня более стоворчивой.

На коже, пронзенной когтями, выступили капли крови.

Она жила в постоянном страхе, что это вот-вот произойдет, понял Сабин.

– Ты можешь отомстить за себя, Гвен. Можешь отомстить за других женщин. А я помогу тебе.

Ее густые ресницы дрогнули, палец, рисовавший круги на песке, замер, золотисто-янтарные глаза заглянули Сабину прямо в душу.

– Значит, ты можешь это сделать. Я имею в виду, отомстить за нас. Видно, эти люди что-то сделали тебе и ты явился сюда, чтобы сразиться с ними, да?

– Да, они причинили вред мне и тем, кто был мне близок. И да, я пришел сюда, чтобы сразиться с ними. Но это не означает, что я могу справиться в одиночку.

Иначе война давно закончилась бы.

– Что они тебе сделали?

– Убили моего лучшего друга. И надеются убить всех, кто мне дорог, потому что уверовали в ложь, изрекаемую их главарем. Много столетий я пытался уничтожить их, – признался он. То, что охотники все еще ходили по земле, было для него словно острый нож в сердце. – Но стоит мне убить одного – и пять других встают на его место.

Девушка не обратила внимания на его слова о многих столетиях, значит, понял Сабин, она знает, что он тоже бессмертный. Но вот знает ли она, что он собой представляет?

«Вряд ли она даже догадывается об этом. Как большинство женщин в твоей жизни, она презирает тебе подобных. Разве может быть иначе? Взгляни на нее. Такая милая, такая нежная. Ни капли ненависти. Пока».

Сомнение. Его вечный спутник. Его крест, который он вынужден нести.

– Откуда мне знать, что ты не один из них? – спросила Гвен. – Откуда мне знать, что это не еще одна попытка склонить меня на свою сторону? Я помогу тебе победить твоих врагов, а ты изнасилуешь меня. Я забеременею, и ты отнимешь у меня ребенка.

Опять сомнения. Уж не обязан ли он этим своему демону?

Сабин не успел еще обдумать ответ, как она добавила:

– Я видела, как ты сражался с этими людьми. Ты заставляешь их страдать, говоришь, что ненавидишь их, но не убиваешь. Ты оставляешь их в живых. Это не похоже на воина, который хочет уничтожить врага.

Слушая Гвен, Сабин напряженно раздумывал. Есть способ доказать ей, что он не лжет.

– А если бы я убивал этих людей, ты поверила бы, что я ненавижу их?

Она снова прикусила нижнюю губу. Зубы у нее были белые, ровные и чуть заостренные. При поцелуях, вероятно, не обойдется без кровопускания, но Сабин подозревал, что удовольствие стоит каждой капли пролитой крови.

– Я... может быть.

«Может быть» лучше, чем ничего.

– Люсьен, – позвал он, не отрывая от Гвен взгляда.

Ее глаза расширились от испуга, она снова вжалась в стенку палатки.

– Что ты делаешь? Не надо...

Люсьен проскользнул в палатку и замер, выжидаяще глядя на них.

– Да?

– Приведи мне пленника из Буды. Все равно какого.

Люсьен изогнул бровь, демонстрируя удивление, но не сказал ни слова. Он просто исчез.

– Я не могу помочь тебе, Сабин, – проговорила Гвен в мучительной попытке достучаться до него. – Правда не могу. Не стоит делать то, что ты собираешься сделать. Мне не следовало кричать на тебя. Прости. Я была не права и признаю это. Я не должна была обижать тебя своими сомнениями. Но я в самом деле не могу ни с кем сражаться. Когда напугана, я просто замираю на месте. И отключаюсь. А когда прихожу в себя, вокруг меня все мертвы. – Она с усилием проглотила комок в горле и на несколько секунд прикрыла глаза. – Начав убивать, я уже не останавливаюсь. Я не тот воин, на которого ты можешь положиться.

– Ты не убила меня, – напомнил он ей, – и не тронула моих друзей.

– Честно говоря, я не знаю, как мне удалось взять себя в руки. Прежде этого никогда не случилось. И я не знаю, как сделать это снова.

Она побледнела.

Люсьен появился из ниоткуда, крепко держа вырывающегося охотника.

Потянувшись за спину, Сабин достал кинжал и поднялся на ноги.

Увидев блеснувший серебром клинок, Гвен судорожно вздохнула.

– Ч-что ты собираешься делать?

– Это один из тех, кто тебя мучил? – спросил Сабин у дрожавшей женщины.

Она молчала, ее полный ужаса взгляд метался от одного мужчины к другому. Она прекрасно понимала, что происходит, но ведь сейчас никто ни с кем не сражался. Это будет хладнокровное убийство.

Охотник извивался в крепких руках Люсьена, стараясь лягнуть его. Измученный бесплодными попытками обрести свободу, он всхлипнул:

– Отпустите меня, отпустите меня, отпустите меня. Пожалуйста. Я делал только то, что мне велели. Я не хотел причинять боль тем женщинам. Это все ради общего блага.

– Заткнись, – сказал Сабин. На этот раз никакой пощады. – Ты говоришь, что не хотел причинять им вреда, но ты и не спас их, ведь так?

– Я перестану охотиться на вас. Клянусь!

– Гвендолин. – Голос Сабина был тверд и непреклонен, это было рычание льва в сравнении с хныканьем жертвы. – Ответь мне. Пожалуйста. Это один из твоих мучителей?

Она кивнула.

Без единого слова он перерезал охотнику горло.

Глава 5

Сабин убил человека у нее на глазах.

С тех пор прошло несколько часов, за это время они не раз сворачивали лагерь и перемещались в другое место, но кровавый образ человека, рухнувшего на колени, а затем повалившегося лицом вниз, захрипевшего и умолкшего навсегда, все еще преследовал ее.

Гвен была знакома эта свирепая ярость, обуревавшая Сабина, – та же ярость заставляла ее убивать. Она знала, что Сабин был суровым, резким и что простые человеческие чувства были незнакомы ему. Его выдавали глаза. Темные и холодные, расчетливые. Два дня назад он освободил ее из стеклянной камеры. Все это время она наблюдала за ним и поняла, что он все время настороже, подмечает каждую деталь, решая, как и когда использовать ее в своих целях. Все прочее не стоило его внимания.

Наверное, он и ее считал бесполезной. Сначала. А теперь ему нужна была ее помощь.

Но Гвен никак не могла забыть, что во время их первой встречи он оттолкнул ее. О, как это было унижительно. Одно прикосновение его огрубевших пальцев – и ее как магнитом потянуло к человеку, которому на нее наплевать. Но он был такой теплый, его кожа буквально излучала энергию, а Гвен так долго была одна, что не сумела удержаться.

«Не трогай», – сказал он ей тогда и, судя по выражению его лица, без колебаний ударил бы ее, если бы она снова коснулась его.

Это резкое, даже грубое обхождение напомнило ей, что ее спасители – чужаки, что их намерения могут быть столь же гнусными, как и у ее тюремщиков. Поэтому она старалась держаться от них на расстоянии, изучая их и подслушивая самые личные разговоры. Ее ментальный слух снова вернулся к ней, уровень шума снизился до приемлемого и уже не оглушал ее, позволяя слышать то, что не предназначалось для ее ушей, не морщась при этом от боли.

Один из таких разговоров, состоявшийся в это самое утро, постоянно звучал в ее голове.

«Мы уже почти месяц ищем и все без толку – артефакта как не было, так и нет. Сколько еще пирамид мы должны обыскать, чтобы найти его? Я думал, в последней пирамиде мы сорвали джекпот, ведь там были охотники, но...»

И снова они упомянули охотников. Именно так они называли Крису. Почему?

«Я знаю, знаю. Столько усилий – и все впустую: мы так и не продвинулись в поисках ларца».

Артефакт? Ларец?

«– Может, пора отдохнуть?»

– Может быть. Пока Око не даст нам еще один ключ, мы не пойдем, куда двигаться дальше».

Странная фраза. Какое-то око снабжает их ключами? Ключами к чему? И о каком оке идет речь? Может, так они называют Люсьена? Гвен заметила, что у него разные глаза – один голубой, другой карий.

«Будем надеяться, что Гален тоже ничего не нашел. Кроме осинового кола в сердце. В этом я готов ему помочь».

Кто такой Гален? И почему он так важен для них? Эти воины были... странными. Половина из них говорила так, будто сошла со страниц журнала «Средневековье». Остальные больше походили на членов уличной банды. Их связывали дружеские отношения, это было очевидно. Они заботились друг о друге, шутили и смеялись вместе, прикрывали друг другу спину в бою.

Трое мужчин и женщина-воин, Камео, поочередно заглянули в палатку Сабина, воспользовавшись его отсутствием – он разговаривал с Люсьеном. Каждый из них сказал Гвен одно и то же: тронешь его – и тебе несдобровать. Не дожидаясь ее ответа, они исчезали так же стре-

мительно, как и появлялись. Голос этой женщины... Гвен содрогнулась. Каждое сказанное ею слово погружало ее в пучину страданий.

Она довольно долго пробыла в палатке одна и могла бы сбежать. По крайней мере, могла попытаться. Но бескрайняя пустыня, немилосердно палящее солнце, и кто знает, что еще могло встретиться ей... – все это и еще страх удерживали ее на месте.

Хотя Гвен выросла среди ледяных пиков Аляски, она, пожалуй, сумела бы справиться с песком и солнцем. Она надеялась на это. Ее страшило неизведанное. Что, если она наткнется на какое-нибудь жестокое племя? Или стаю оголодавших хищников? Или на очередную шайку мерзавцев?

К тому же однажды она уже рискнула отправиться вслед за своим тогдашним приятелем Тайсоном, – и чем это закончилось? Ее заперли в стеклянную клетку. И все же... Если хоть один из этих воинов дотронется до нее, она пойдет на риск. По крайней мере, можно попытаться. Однако они не трогали ее, держались на расстоянии, и Гвен это радовало. В самом деле. То, что Сабин выполнял свое обещание – не трогать, – было как подарок с небес. Правда.

– Ты в порядке?

Воин по имени Страйдер плюхнулся на удобное кожаное сиденье рядом с ней. Они находились в частном самолете, высоко в небе. Время от времени самолет попадал в зону турбулентности и его начинало мотать из стороны в сторону.

Как ни странно, Гвен это ничуть не тревожило.

Девушка подавила горький смешок. Она шарахалась от каждой тени, а тряска в самолете, которая могла привести к катастрофе, оставила ее равнодушной. Может быть, потому, что она сама умела летать... вроде бы... хотя уже целую вечность этого не делала. А может, по сравнению с тем, что ей пришлось пережить за минувший год, авиакатастрофа казалась детской забавой.

– Ты какая-то бледная, – прибавил он, не услышав ответа. Достав из кармана пакет с конфетами, бросил пригоршню в рот, потом протянул ей.

Она почувствовала дивный аромат корицы, от которого у нее потекли слюнки.

– Тебе нужно поесть.

Что ж, по крайней мере, она не сжималась от страха. Это уже прогресс. Но зачем эти парни постоянно подсовывают ей какую-то несъедобную гадость?

– Нет, спасибо. Я в порядке.

Она еще не вполне оправилась от пирожных, которыми угостил ее Сабин.

Впрочем, Гвен совсем не жалела, что съела их. Этот бесподобный сахарный вкус... ощущение сытости... райское блаженство. Которое длилось всего несколько секунд. Впредь она будет умнее и не станет есть предлагаемую ей пищу. Боги прокляли ее, как и всех гарпий. Она могла есть только то, что украла или заработала. Это было наказание за преступления, совершенные предками. Несправедливо, но что она могла поделать...

Что ж, можно и поголодать.

Гвен слишком боялась возможных последствий, чтобы воровать еду у этих людей. Еще больше она боялась того, что они могут заставить ее сделать ради нескольких бесценных кусочков.

– Ты уверена? – спросил он и отправил в рот еще несколько карамелек. – Они маленькие, но тут этого добра много.

Из всех мужчин лишь он обращался с ней по-доброму. Его ярко-голубые глаза никогда не смотрели на нее с презрением. Или с яростью, которая иногда мелькала в глазах Сабина.

Сабин. Ее мысли постоянно возвращались к нему.

Она искала его взглядом. Он развалился в кресле неподалеку, глаза его были закрыты, ресницы отбрасывали тень на высокие скулы. На нем была камуфляжная форма, на шее поблес-

кивала серебряная цепочка, запястье охватывал мужской кожаный браслет (Гвен почему-то показалось, что он подчеркнул бы это слово – мужской). Во сне его лицо казалось расслабленным. Как оно могло быть одновременно суровым и полным мальчишеского обаяния?

Это была загадка, которую Гвен хотелось бы разгадать. Может быть, если она найдет ответ, ее перестанет тянуть к нему. Она и пяти минут не могла провести без того, чтобы не задаться вопросом – где он, что делает. Сегодня утром, например, Сабин собирал вещи, готовясь к отъезду, а она представляла себе, как ее ногти вонзаются в его спину, как она впивается зубами в его шею. Не с целью причинить ему боль, а чтобы доставить удовольствие себе!

За прошедшие годы у нее было несколько любовников, но подобные мысли никогда прежде ее не терзали. Она была нежным созданием, черт побери, даже в постели. Это он и его плевать-мне-на-все-кроме-победы-в-моей-войне пробуждали в ней... тьму. Ничего удивительного.

Она должна была бы преисполниться отвращением к тому, что он сделал, перерезав человеку горло. Ну, или, по крайней мере, должна была закричать, остановить его, протестовать, однако какая-то часть ее, та самая темная половина, зверь, от которого она не могла избавиться, знал, что должно произойти, и радовался этому. Она хотела, чтобы этот человек умер. Даже теперь в глубине души была благодарна Сабину. За восхитительно жестокий способ свершения акта правосудия.

Это была единственная причина, по которой она добровольно села в этот самолет. Самолет, летевший не на Аляску, а в Будапешт. И еще, почтительная сдержанность, которую демонстрировали все воины. Ах да, и, конечно, пирожные. Нет, не стоит поддаваться этому сладкому искушению. Или все же...

А может, пора уже вести себя как взрослая девочка и стянуть одно пирожное, пусть даже рискуя быть наказанной. Она давно этого не делала, и в отсутствие практики ее навыки слегка заржавели, но теперь, когда ее выпустили из клетки, муки голода обострились, стали просто нестерпимыми. Ее тело слабело. Кроме того, если воины попытаются остановить ее, она начнет действовать, даст им отпор. И отправится наконец домой.

Если решаться, то сейчас. Очень скоро у нее не останется ни сил, ни ясности мыслей, чтобы стащить хотя бы упавшую крошку, не говоря уже о полноценной пище. И уж конечно, у нее не будет сил сбежать. Хуже всего было то, что ей приходилось бороться не только с голодом, но и с отчаянным желанием погрузиться в сон.

На нее не было наложено проклятие, обязывающее ее постоянно бодрствовать, но сон на глазах у всех противоречил кодексу поведения гарпий. И тому была веская причина! Погрузившись в забытие, она становилась беззащитной перед нападением. Или похищением. Сестры Гвен не особенно придерживались правил, но эту заповедь они соблюдали неукоснительно. И она не нарушит ее. Больше не нарушит. Она и без того уже навлекла на них позор.

Однако без еды и без сна ее здоровье быстро ухудшится. Вскоре гарпия возьмет верх, заставляя ее сделать хоть что-то для своего спасения.

Гарпия. Они были неразделимы, но Гвен считала себя и свою половину двумя различными сущностями. Гарпии нравилось убивать, а ей – нет. Гарпия предпочитала темноту, а Гвен – свет. Гарпия наслаждалась хаосом, а ей больше по душе был покой. Нельзя ее выпускать.

Гвен обвела глазами самолет в поисках вождельных пирожных. Ее взгляд остановился на Амানে. Он был самым сумрачным из воинов и за все время, что Гвен находилась среди них, не произнес ни слова. Он сидел в самом дальнем от нее кресле, сгорбившись, прижав руки к вискам и издавая стоны, словно его пожирала невыносимая боль. Рядом с ним сидел Парис, мужчина с яркими голубыми глазами и бледной кожей – воплощение соблазна, подумала Гвен. Он задумчиво смотрел в иллюминатор.

Напротив расположился Аэрон, с ног до головы покрытый татуировками. Он тоже почти все время молчал. Эти трое явно хлебнули лиха. «А я-то думала, это мне пришлось нелегко. Что же с ними случилось? И знают ли они, где пирожные?»

– Гвендолин?

Она вздрогнула, голос Страйдера отвлек ее от размышлений.

– Да?

– Ты все еще здесь?

– О, прости.

Он о чем-то спрашивал?

Самолет снова тряхнуло на воздушной кочке.

Прядь светлых волос упала Страйдеру на лоб, и он нетерпеливо откинул ее назад. В воздухе снова запахло корицей. У Гвен заурчало в животе.

– Знаю, есть ты не будешь, – сказал он, – но, может быть, тебя мучает жажда? Хочешь что-нибудь выпить?

Да. Пожалуйста, да.

– Нет, спасибо, – ответила она, сглотнув слюну.

– Возьми хотя бы бутылку воды. Она закрыта, так что можешь не беспокоиться, мы ничего туда не подмешали.

Он достал из подставки для чашек поблескивающую, холодную как лед бутылку и повел ее перед лицом Гвен. И все это время бутылка была там?

Мысленно она готова была разрыдаться. Бутылка так и манила ее...

– Может быть, потом, – хрипло проговорила она.

Страйдер пожал плечами, словно ему было все равно, но в его глазах она заметила разочарование.

– Тебе же хуже.

Должно же быть что-то поблизости, что она могла бы незаметно стянуть. Гвен снова осмотрела салон самолета. Ее взгляд упал на полупустую бутылку с вишневым напитком рядом с Сабином. Она облизала пересохшие губы. Нет, хуже будет Сабину. Как только Страйдер уйдет, она попробует стащить бутылку – и плевать на последствия.

Может быть. Нет, она сделает это. А пока Страйдер здесь, может быть, удастся получить ответы на интересующие ее вопросы. К тому же ей нужно время, чтобы набраться храбрости.

– Почему мы воспользовались самолетом? – спросила она. – Я же видела, как тот, кого называли Люсьеном, исчез вместе с другими женщинами. Мы могли бы добраться до Будапешта за несколько секунд.

– Не все из нас хорошо переносят подобные путешествия.

Его взгляд остановился на Сабине.

– Так некоторые из вас слабаки?

Слова сорвались у Гвен с языка прежде, чем она успела хорошенько подумать. Подобную дерзость она могла бы сказать своим сестрам, единственным людям в мире, с которыми могла быть самой собой, не страшась взаимных обвинений. Бьянка, Талия и Кайя понимали ее, любили и сделали бы все, чтобы защитить.

Однако Страйдер не обиделся, напротив, слова Гвен позабавили его. Он разразился смехом.

– Ну, что-то вроде того, хотя Сабин, Рейес и Парис предпочитают думать, будто подхватывают вирус всякий раз, когда куда-то переносятся.

Близнецы Бьянка и Кайя вели себя точно так же. Они скорее поверят в то, что их поразила болезнь, чем признают свою ограниченность хоть в чем-то. Талия, холодная как лед и крепкая как сталь, просто ни на что не реагировала.

Веселье Страйдера постепенно утихло, он внимательно оглядел Гвен с ног до головы.

– А знаешь, ты совсем не такая, как я представлял.

Держи себя в руках. Не шевелись.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну... а ты не обидишься?

...И не превратишься ли случайно в чудовище? Это он имел в виду? Кажется, он боялся ее темной половины так же сильно, как и она сама.

– Нет.

Может быть.

Он пристально смотрел на нее, словно раздумывал, стоит ли доверять ее словам. Наконец кивнул:

– Кажется, я уже говорил это раньше. Судя по тому немногому, что я знаю, гарпии – отвратительные создания с безобразными лицами, острыми клювами и вообще наполовину птицы. Они злобные и безжалостные. Ты... ты совсем не такая.

Как, неужели он уже успел забыть, что она сделала с Крисом?

Гвен взглянула на Сабина, мирно дремавшего в кресле. Его дыхание было глубоким, до нее донесся аромат лимона и мяты. Разве он не говорил Страйдеру, что не все легенды правдивы?

– У нас дурная репутация, вот и все.

– Нет, дело не только в этом.

Да, не только. Но она не может рассказать ему все.

Ее сестрам повезло, у них были отцы-оборотни. Отец Талии умел превращаться в змею, отцом близнецов был феникс. А вот ее отец был ангелом, но ей не разрешали говорить об этом. Никогда. Ангелы были слишком чисты, слишком хороши для ее племени, к тому же у Гвен было много недостатков. Как всегда, при мысли об отце ее сердце болезненно сжалось.

У гарпий сложилось матриархальное общество, отцам позволено было видеться с детьми, если они того желали. Отцы ее сестер были частью их жизни. Отца Гвен лишили этой возможности. Мать запретила ему встречаться с дочерью. Она рассказала Гвен об отце только затем, чтобы предостеречь: если она не будет осторожна, станет совсем как папенька, высокоморальной личностью, неспособной даже пищу украсть, неспособной солгать, пекущейся о других больше, чем о себе. Но и после того, как Табита сняла с себя всякую ответственность за дочь, сочтя ее безнадежной, отец не предпринял ни единой попытки увидеться с Гвен. Да знает ли он вообще о ее существовании? Тоска о несбывшемся больно кольнула в сердце.

Всю свою жизнь она мечтала о том, как в один прекрасный день отец, преодолев все преграды, придет к ней, крепко обнимет и унесет далеко-далеко. Она мечтала о его любви и преданности. Мечтала о том, как будет жить с ним на небесах, огражденная на веки вечные от зла на земле и ее собственной темной половины.

Гвен вздохнула. Когда речь заходила о ее родословной, упоминалось лишь одно имя – Люцифер. Он был сильным, коварным, мстительным и жестоким. Короче говоря, худшего врага не придумать. Никто не хотел связываться с ней, с каждой из них, страшась князя тьмы.

Вообще-то Люцифера действительно можно было считать членом ее семьи. Он был ее прадедом. Дедом ее матери. Гвен никогда не встречалась с ним, отпущенный ему год на земле истек задолго до ее рождения, и она очень надеялась, что их пути никогда не пересекутся.

Тщательно обдумывая дальнейшие слова, она глубоко вздохнула, чувствуя исходящий от Страйдера запах дыма костра и восхитительной корицы. К со жалению, ему не хватало нотки порочности, которая присутствовала в запахе Сабина.

– Люди склонны очернять все, что недоступно их пониманию, – сказала она. – По их представлениям, добро всегда побеждает зло, поэтому все, что сильнее их, они считают злом. А зло, понятное дело, уродливо.

– Точно подмечено.

В его голосе звучало понимание. Теперь самое подходящее время выяснить, что же он понял, решила Гвен.

– Я знаю, что вы бессмертные, как и я, – медленно проговорила она, – но я так и не поняла, кто же вы такие.

Он смущенно заерзал на месте, поглядывая на друзей, словно ища поддержки. Все, кто слышал слова Гвен, поспешно отвели взгляд. Страйдер вздохнул, эхом отзываясь на вздох Гвен.

– Когда-то мы были воинами богов.

Когда-то. Значит, теперь это уже не так.

– Но что...

– Сколько тебе лет? – спросил он, прервав ее.

Гвен хотела было возразить против неожиданной смены темы, но передумала. Вместо этого она тщательно взвесила все за и против, решая, стоит ли говорить правду. Она задала себе три вопроса, которым каждая гарпия-мать учит дочерей: можно ли использовать эту информацию против нее? будет ли у нее преимущество, если она сохранит ее в тайне? может ли ложь оказаться полезнее правды?

Никакого вреда не будет, решила она. Преимущества, правда, тоже, ну и пусть.

– Двадцать семь.

Страйдер удивленно поднял брови и уставился на нее.

– Ты хочешь сказать, двадцать семь *сотен* лет, верно?

Это было бы верно, если бы он говорил о Талии.

– Нет. Просто двадцать семь. Двадцать семь обыкновенных лет.

– Но ты же не имеешь в виду человеческое летоисчисление?

– Нет. Я меряю в собачьих годах, – сухо ответила Гвен и сжала губы. Когда она успела лишиться своей способности держать язык при себе? Но Страйдер, кажется, не рассердился. Скорее был озадачен. Неужели Сабин отреагирует так же, когда проснется? – А что не так с моим возрастом? – Едва эти слова слетели с ее губ, она вдруг поймала себя на неприятной мысли и побледнела. – Я что, так плохо выгляжу? Я выгляжу старой?

– Нет, нет, что ты. Конечно нет. Но ты – бессмертная. Ты могущественна.

А что, могущественные бессмертные не могут быть молодыми? Стоп!.. Он считает ее могущественной? Гвен охватило блаженное чувство. В прошлом могущественными называли только ее сестер.

– Да, и все же мне только двадцать семь.

Страйдер протянул руку – Гвен не знала зачем, но ей было все равно, – и она сжалась в своем кресле. С самой первой их встречи она тянулась к Сабину, ей нестерпимо хотелось, чтобы он прикоснулся к ней – почему, почему, почему? И сегодня утром она даже представляла себе, как занимается с ним всякими неприличными вещами, но мысль о том, что ее коснется кто-то другой, ей совсем не нравилась.

Страйдер опустил руку.

Гвен расслабилась и снова бросила взгляд на Сабина. Он стиснул зубы, его лицо покраснело, словно от едва сдерживаемого гнева. Приснился кошмар? Неужели во сне ему явились все, кого он когда-то лишил жизни, и теперь его терзают угрызения совести? Может, и хорошо, что Гвен не позволяла себе уснуть. Ее и саму мучили подобные кошмарные сны, и она ненавидела каждую секунду, проведенную в забвении.

– Все гарпии такие же молодые, как и ты? – поинтересовался Страйдер, снова привлекая к себе ее внимание.

Можно ли использовать эту информацию против нее? Не лучше ли сохранить ее в секрете? Может ли ложь оказаться полезнее правды?

– Нет, – искренне ответила она. – Мои сестры гораздо старше меня. А еще красивее и сильнее. – Она слишком любила их, чтобы испытывать ревность. Слишком любила. – Они не позволили бы схватить себя. Их нельзя принудить делать то, что они не хотят. Они ничего не боятся.

Ох, кажется, пора заткнуться. Чем больше она говорит, тем более очевидными становятся ее собственные ошибки и недостатки. Пусть эти люди думают, что у нее достаточно храбрости в запасе. «Но почему я не могу быть как мои сестры? Почему я стремлюсь убежать от опасности, а они, напротив, встречают ее с улыбкой? Если бы кто-то из моих сестер заинтересовался Сабин, его отстраненность не отпугнула бы их, наоборот, они расценили бы ее как вызов и соблазнили его».

Подожди. Остановись. Это какое-то безумие. Сабин ее не интересуется. Да, он привлекательный мужчина, и она даже представляла себе, как занимается с ним любовью. Но это было вызвано исключительно чувством благодарности. Он ведь освободил ее из темницы и убил одного из ее врагов. А еще он сбивал ее с толку. Он был жесток и суров, но не тронул ее. Признать, что ее влечет к бессмертному воину? Никогда.

Если Гвен начнет снова встречаться с мужчинами, она выберет рассудительного и заботливого человека, который предпочитает скучную работу в офисе, а не махание мечом. Человека, рядом с которым она будет чувствовать себя защищенной и любимой, несмотря на все ее недостатки. Словом, ей нужен человек, рядом с которым она будет обычной женщиной.

Вот чего Гвен хотела больше всего на свете.

Внимание Сабина было приковано к Гвен. Он не выпускал ее из виду с той минуты, как они сели в самолет. Ладно, с того момента, как впервые увидел ее. Она так боялась Сабина, что в его присутствии вряд ли позволила бы себе расслабиться и отдохнуть. Поэтому он решил притвориться спящим. Как выяснилось, это было правильное решение. Гвен оттаяла и открылась Страйдеру.

Это бесило его больше всего.

Но он продолжал «спать» и не открыл глаза, даже когда Страйдер едва не коснулся Гвен. Сабина обуяло жгучее желание съездить другу кулаком по носу, вмяная хрящи в мозг. Но их разговор заинтересовал его.

Девушка – а ее, несомненно, можно было так назвать, ведь ей было всего двадцать семь чертовых лет, и рядом с ней он чувствовал себя долбаным стариком – считала себя неудачницей во всех смыслах этого слова, а своих сестер – образцами для подражания. Красивее? Это вряд ли. Сильнее? Он содрогнулся. Они не позволили бы себя схватить? Каждого можно застать врасплох. Даже его самого. Они ничего не боятся? В каждом живет глубокий, темный как ночь страх. Даже Сабину он знаком. Он боялся поражения так же сильно, как Гидеон – пауков.

В тот день в подземелье Гвен была робка и напугана, он уже тогда понял, что она не уверена в своей силе и сомневается в своих смертоносных способностях, но понятия не имел, насколько глубоко эта неуверенность пустила корни. Она постоянно сравнивала себя со своими сестрами, и это говорило о том, что она сомневается во всем. Девушка была словно соткана из сомнений. И его присутствие лишь усугубляло ситуацию.

Все его любовницы были уверенными в себе, независимыми женщинами (от тридцати пяти и старше, черт побери). Он и выбирал их именно из-за этой уверенности в себе. Но все менялось, стоило его демону запустить в них острые когти сомнений. Ничто не могло заставить его ослабить хватку. Некоторые, как Дарла, даже наложили на себя руки, не в силах выносить постоянную критику. Демон все подвергал сомнению: их внешность, ум, окружение. После смерти Дарлы Сабин раз и навсегда завязал с женщинами и романами.

А потом он увидел Гвен. Он желал ее... о, как он ее желал. Наверное, Сабин мог бы провести с ней одну ночь и найти оправдание своему поступку. Вот только он сомневался,

что одной ночи ему было бы достаточно. Только не с ней. Его фантазий хватило бы на целую вечность.

Пьянящая красота Гвен воспламеняла его кровь всякий раз, когда он смотрел на нее, тело изнывало от вожделения. Ее неуверенность и робость пробуждали в нем инстинкт защитника, а у его демона – разрушительные помыслы. Ее солнечный аромат, погребенный под слоем грязи, которую она так и не смыла с себя, постоянно преследовал его, притягивая к ней словно магнитом... ближе... еще ближе...

Уступить этому влечению значило погубить ее.

«Может быть, я буду хорошим и оставлю ее в покое».

Слушая эти увещевания, Сабин до боли прикусил язык и почувствовал во рту металлический привкус крови. Демон хотел заставить Сабина усомниться в его злокозненных намерениях. Ну уж нет. «Однажды я уже купился на это. Больше такого не повторится».

– Ты все время это делаешь, – сказал Страйдер Гвендолин, отвлекая Сабина от его размышлений.

– Что?

Ее голос звучал еле слышно, слегка хрипловато. Сначала Сабин решил, что в этом повинна ее усталость. Но нет, этот низкий голос с легкой хрипотцой был ее неотъемлемой чертой. Как и бьющая наотмашь сексуальность.

– Смотришь на Сабина. Он тебя интересуется?

Она задохнулась от изумления и, очевидно, рассердилась.

– Конечно нет!

Сабин пытался не хмуриться. Легкая нотка сомнения ей не повредила бы.

Страйдер хмыкнул:

– А я думаю, что да. И знаешь что? Я знаком с ним уже несколько тысяч лет и много чего про него знаю.

– И что же? – пробормотала она.

– А то, что я не прочь поделиться с тобой некоторыми секретами. То есть я хочу сказать, что окажу дружескую услугу вам обоим, если заставлю тебя переменить свое мнение о нем.

«А твой приятель копает под тебя, – сказал демон, – наверное, сам хочет завладеть ею. Вряд ли стоит ему доверять после такого».

Поколебавшись, Сабин осадил его: «Он лишь хочет предостеречь Гвен, ради ее же блага. И ради меня. Так что заткнись».

– Я не желаю иметь с ним ничего общего, уверяю тебя.

– В таком случае тебе, наверное, неинтересно будет услышать то, что я хотел тебе сказать.

Пожалуй, я пойду.

Осторожно приоткрыв глаза, Сабин увидел, что Страйдер поднялся с места.

Схватив его за руку, Гвен потянула его обратно:

– Подожди.

Сабину пришлось вцепиться в подлокотники своего кресла, чтобы побороть желание вскочить и разлучить эту пару.

– Расскажи мне, – попросила она.

Страйдер медленно опустился в кресло. Он улыбался. Как ни ограничен был угол обзора у Сабина, он увидел сияющую белозубую улыбку своего друга. Да он и сам едва не улыбнулся. Он был небезразличен Гвен.

«Наверное, хочет узнать, как сподручнее прикончить тебя».

«Проклятье, заткнись же наконец!»

– Хочешь узнать что-то конкретное? – спросил Страйдер.

– Почему он такой... холодный? – Она по-прежнему смотрела на Сабина, и ее взгляд буквально обжигал его. – Он со всеми такой или только мне повезло?

– Не переживай. Дело не в тебе. Он со всеми женщинами такой. Ему приходится сдерживать себя. Видишь ли, его демон...

– Демон? – выдохнула Гвен и резко выпрямилась. Ее лицо побелело, исказилось от ужаса. – Ты сказал – демон?

– О... э-э... разве я так сказал? – Страйдер растерянно огляделся. – Нет, нет. Тебе показалось. Я сказал, что он...

– Нет, ты сказал – демон. Демоны. Демоны и охотники, и еще эта татуировка в виде бабочки. Я должна была догадаться сразу, как увидела татуировки. – Расширенными от ужаса глазами она обвела салон самолета, вглядываясь в воинов. Секунду спустя Гвен уже была на ногах. Отскочив от Страйдера, она попятилась к туалетной комнате. Вытянула руки, словно пытаясь одним этим жестом удержать их всех на расстоянии. – Теперь... теперь я понимаю. Вы – Владыки Преисподней, да? Бессмертные воины, которых боги изгнали на землю. М-мои сестры перед сном рассказывали мне сказки о ваших злодеяниях.

– Гвен, – сказал Страйдер, – успокойся. Пожалуйста.

– Вы убили Пандору. Невинную женщину. Вы сровняли Древнюю Грецию с землей, затопив улицы кровью, наполнив их криками. Вы мучили людей, расчлняя их заживо.

Лицо Страйдера окаменело.

– Они заслужили кару. Они убили нашего друга. Пытались убить нас.

– Если она закричит, случится что-то невообразимо прекрасное, – мрачно сказал Гидеон, приблизившись к Страйдеру. – Даже не пытайся вырубить ее, и я не стану тебе помогать, договорились?

– погоди. Прежде чем мы попытаемся скрутить ее и почти наверняка лишимся глоток, попробуем что-нибудь другое. Парис! – рявкнул Страйдер, не отрывая глаз от Гвен. – Ты нам нужен.

Парис решительными шагами подошел к нему как раз в то мгновение, когда Сабин, перестав притворяться спящим, вскочил.

– Гвен, – вмешался он, надеясь успокоить ее прежде, чем Парис пустит в ход свое обаяние. Но девушка судорожно втягивала в себя воздух, словно борясь с удушьем. Ее лицо исказилось от ужаса. – Давай поговорим...

– Демоны... вокруг меня демоны.

Она открыла рот, и с ее губ сорвался пронзительный вопль. Она кричала, кричала, кричала.

Глава 6

Демоны. Владыки Преисподней. Некогда избранное воинство, теперь – ненавистные всем язвы на теле земли. Каждый из воинов носил в себе демона столь ужасающего, что для них не нашлось места даже в аду. Демоны Болезней, Смерти, Печали, Боли и Насилия. «И я заперта в маленьком самолете вместе с ними», – подумала Гвен, ее истерика достигла апогея. Самолет, сотрясаясь и угрожающе кренясь, стремительно терял высоту. Но Владык это не остановило.

Они приближались к Гвен, смыкая вокруг нее кольцо, загоня в ловушку. Ее сердце отчаянно колотилось в груди, заставляя кровь быстрее пульсировать в венах, в ушах стоял неумолчный шум. Если бы только этот шум мог заглушить дикий вопль гарпии... Как бы не так! В голове Гвен бушевала дьявольская симфония, беспрестанный звон и лязганье сводили ее с ума, все глубже погружая в черную бездну, где не было ничего, кроме смерти и разрушения.

Эти воины были слишком сильными и могущественными. Как она с самого начала не догадалась, что они одержимы демонами? Красные глаза Сабина, татуировка в виде бабочки на его теле...

«Какая же я дура».

Хотя Гвен провела с этими людьми последние несколько дней, она, вероятно, была слишком измучена и голодна, слишком радовалась своему освобождению, чтобы заметить такие же татуировки на остальных. Или она чересчур много внимания уделяла Сабину. Хотя теперь, вспоминая все, что случилось с ней в эти дни, девушка поняла, что в ее присутствии воины всегда были одеты, как будто сочувствуя ее невзгодам и не желая пугать видом обнаженного тела. Но теперь она знала правду. Они просто скрывали свои отметины.

Каким же демоном одержим Сабин? – спросила себя Гвен. За каким демоном она наблюдала, словно замороженная каждым его словом, каждым жестом? Какого демона она представляла в своих объятиях, кого целовала, в чьих крепких руках извивалась от страсти?

Как ее сестры могли восхищаться этими принцами зла? Ну, или своим представлением о них. Насколько Гвен знала, они никогда не встречались. Да и кто бы смог остаться в живых после этой встречи? Этим людям неведома жалость и угрызения совести, они способны на самые отвратительные злодеяния, они втянуты в бесконечную войну, связывающую прошлое и будущее, бескрайнюю, как океан, и безжалостную, как смерть.

Каждый раз, когда ей рассказывали о них, ее страх перед хищниками, рыскающими во тьме, исчадиями ада, прячущимися от солнечных лучей, усиливался. Именно тогда она начала бояться хищника, живущего в ней самой, ведь именно поэтому ей и рассказывали все эти истории. Чтобы она могла противостоять воинам. Гвен содрогалась при одной только мысли об этом, гарпия же, напротив, жадно впитывала каждое слово, ей не терпелось продемонстрировать свою силу.

«Я должна бежать. Не могу больше здесь оставаться. Ничего хорошего из этого не выйдет. Или они убьют меня, или моя гарпия вступит в сражение, стремясь уподобиться им». Лучше бы она осталась там, в пирамиде, в руках их злейшего врага.

– Перестань кричать, Гвен.

Резкий знакомый голос проник в хаос, затопивший ее разум, но крики не утихали.

– Заткни ее, Сабин. У меня уже кровь из ушей идет.

– Это не поможет, придурок. Гвендолин, ты должна успокоиться, или нам всем не поздоровится. Ты ведь не хочешь причинить нам вред, милая? Разве ты хочешь убить нас после того, как мы спасли тебя, приютили? Да, мы носим в себе демонов, но мы не опасны. По-моему, мы это уже доказали. Разве мы обходились с тобой хуже, чем твои тюремщики? Я хоть пальцем тебя тронул? Давил на тебя? Нет.

Он говорил правду, но могла ли она доверять демонам? Они любили лгать и делали это умело. «Как и гарпии», – пискнул тонкий голосок разума. Часть ее хотела довериться им, другая часть хотела прыгнуть с самолета. С самолета, который, немилосердно раскачиваясь, стремительно падал вниз.

Ладно, будем рассуждать логически. Гвен с ними уже два дня. Она жива и здорова, без единой царапины. Если она продолжит паниковать, гарпия вырвется на свободу, желая только одного – сеять ужас и хаос. Скорее всего, она убьет пилота, а также и себя, устроив авиакатастрофу. Глупо было бы пережить плен и знакомство с демонами и покончить с собой таким странным образом.

Логика взяла верх.

Когда спокойствие возобладало над паникой, вопль оборвался. Все стояли словно окаменев. Гвен сделала глубокий вдох, вернее, попыталась – горло распухло. Теперь, когда ее крики стихли, слышно стало, как надывается сигнал тревоги в кабине пилота. Прежде чем новый приступ паники овладел ею, самолет выровнялся и все успокоилось.

– Хорошая девочка. Назад, ребята. Все замечательно, все под контролем.

Правда, уверенности в голосе Сабина не было, только решимость.

Ее сознание прояснилось, цвета вернулись, расписывая мир вокруг нее яркими красками. О, боги... ее зрение, оказывается, переключилось в инфракрасный диапазон, а она даже не осознала этого. Гарпия была близка, чертовски близка к тому, чтобы вырваться на свободу. Просто чудо, что этого не случилось.

Гвен все еще стояла в хвосте самолета, среди красных кожаных кресел. Рядом остался только Сабин. Остальные отошли подальше, стараясь не поворачиваться к ней спиной. Боялись? Или хотели защитить своего жоака?

Глаза Сабина цвета шоколада были устремлены на нее, в них пылала ярость куда более свирепая, чем в катакомбах, когда он сражался с охотниками. Он поднял руки, показывая пустые ладони:

– Я хочу, чтобы ты успокоилась еще немного.

Да неужели? – мрачно подумала она. Может быть, она и успокоилась, если бы ей удалось вдохнуть немного воздуха через нос или рот, но все попытки были тщетны. У Гвен закружилась голова, в глазах потемнело, зрение затуманилось.

– Чем я могу помочь тебе, Гвен?

Девушка услышала звук шагов, Сабин приблизился к ней. Она ощутила тепло его тела.

– Воздух, – сделав усилие, прошептала она, ее горло сжалось.

Руки Сабина легли на ее плечи, осторожно надавили. Она не сопротивлялась, не в силах держаться на ослабевших ногах, упала в кресло.

– Мне нужен воздух.

Без колебаний Сабин опустился на колени между ее ног, взял ее лицо в ладони, заставляя взглянуть ему в глаза. Эти карие глаза стали центром ее мира, якорем в бушующем море.

– Возьми мой. – Его огрубевший палец погладил ее щеку, слегка царапая нежную кожу. – Хорошо?

Взять его... что? – успела подумать Гвен, и тут ей все стало безразлично. Ее грудь! Грудная клетка сжалась, сдавливая кости и мышцы. Острая боль пронзила ребра и захлестнула сердце, сбившееся с ритма. Гвен судорожно дернулась.

– Ты синеешь, милая. Я хочу вдохнуть в тебя свой воздух. Хорошо?

«А что, если это всего лишь уловка? Хитрый трюк? Что, если...»

«Заткнись!» Даже затуманенное сознание не помешало Гвен понять, что этот мрачный, призрачный шепот не принадлежит ей. Слава богам, он подчинился ее приказу и стих. Если бы только ее легкие снова заработали.

– Я... я...

– Я нужен тебе. Позволь мне помочь.

Если Сабин и страшился ответа, то не показал этого. Одна его рука легла ей на затылок и притянула ее голову вперед, он склонился к ней. Их губы слились в жарком поцелуе. Его горячий язык раздвинул ее зубы, и в ее горло хлынул поток теплого мятного воздуха, успокаивая и смягчая боль.

Ее руки обвилились вокруг его шеи, удерживая в сладком плену, тела соприкоснулись, грудь к груди. Даже через рубашку она почувствовала, как обжигаете холодна цепочка на его шее, и вздрогнула. Она жадно пила его дыхание.

– Еще.

Сабин не колеблясь снова вдохнул в нее жизнь, и новая волна теплого успокаивающего воздуха наполнила ее. Постепенно головокружение отступило, сознание прояснилось, тьма опять уступила место свету. Сердце перестало бешено колотиться, вернувшись к привычному ритму.

Ее охватило острое желание поцеловать Сабина, по-настоящему, ощутить его вкус. Гвен забыла обо всем, даже о его сущности, о его прошлом. Окружающие их люди исчезли, словно их никогда и не было. Они остались одни во всей вселенной. Только это мгновение – здесь и сейчас – имело значение. Он успокоил ее, спас ее, приласкал, и теперь, в его объятиях, реальная жизнь отступила куда-то далеко, ее место заняли фантазии, порожденные сознанием Гвен, фантазии о нем, о них. Их тела слились в единое целое. Кожа, влажная от пота. Блуждающие руки. Ненасытные губы.

Гвен запустила пальцы в шелковистую массу его волос, коснулась его языка своим. Лимон. Она ощутила вкус сладкого лимона с вишневой ноткой. С ее губ сорвался стон. В реальности таилось куда больше наслаждения, чем она могла себе представить. Это было такое пьянящее чувство, такое... блаженство. Чистое, светлое – о котором мечтает каждая девушка. Склонив голову, она снова прильнула к его губам, погружаясь все глубже, молчаливо прося о большем.

– Сабин, – выдохнула она, готовая пропеть ему хвалебную оду. Она была благодарна ему. Никогда еще она не чувствовала себя такой защищенной, такой желанной, никто прежде не возбуждал в ней такого острого влечения. И все благодаря одному лишь поцелую. Этот поцелуй прогнал все ее страхи. Может быть, ей удастся полюбить себя такой, какая она есть, перестать тревожиться о своей темной половине... о том, что она может причинить Сабину боль. – Я хочу еще. Дай мне еще.

Вместо того чтобы откликнуться на ее мольбу, он вдруг отстранился, отвел ее руки. Физическая связь между ними прервалась.

Ей хотелось крикнуть «Дотронься до меня снова!». Ее тело нуждалось в нем, нуждалось в телесном контакте.

– Сабин, – повторила она, внимательно глядя на него.

Он тяжело дышал, по телу пробегала дрожь, лицо побледнело... но не от страсти. В его глазах не было огня, одна только решимость.

Гвен вдруг осознала, что он не ответил на ее поцелуй. Ее возбуждение схлынуло, отступило, как головокружение несколько минут назад, возвращая ее к суровой реальности, о которой она совсем позабыла. Вокруг раздавались голоса.

– ...не ожидал такого.

– А должен был бы.

– Да я не о поцелуе, идиот. Смотри, как быстро она угомонилась. А я-то уж было струхнул. У нее цвет глаз изменился и когти появились. Она готова была напасть на нас. Эй, вы чего? Я один помню, что случилось с тем охотником?

– Может, Сабин – это портал в рай, вроде Даники, – сухо сказал кто-то. – Может, наша гарпия узрела ангелов, когда ей делали дыхание рот в рот.

Раздались смешки.

Щеки Гвен обдало жаром. Половина из сказанных слов была ей непонятна. Другая половина звучала оскорбительно. Она поцеловала мужчину, демона, который не хотел иметь с ней ничего общего... и сделала это на глазах у всех.

– Не обращай на них внимания, – сказал Сабин, его гортанный голос буквально царапал ей барабанные перепонки. – Смотри только на меня.

Их глаза встретились, карие и золотые. Гвен вжалась в кресло, стараясь увеличить расстояние между собой и Сабинном.

– Ты все еще боишься меня? – спросил он, склонив голову.

Она вздернула подбородок.

– Нет.

Да. Она боялась тех чувств, которые вызывал в ней этот человек. Боялась, что он никогда не будет желать ее столь же сильно, как она только что желала его. Боялась, что ее защитник – всего лишь мираж, что под внешней оболочкой таится зло, готовое поглотить ее целиком.

«Какая ты все-таки трусиха». Как, черт возьми, она могла поцеловать его?

Он изогнул бровь.

– Ты ведь не обманываешь меня, да?

– Я никогда не лгу, забыл?

Забавно, именно это было ложью.

– Хорошо. А теперь послушай меня внимательно, потому что я не хочу снова повторять это. Да, во мне живет демон. – Он так крепко сжал подлокотники ее кресла, что у него побелели костяшки пальцев. – Это потому, что много столетий назад я по глупости открыл ларец Пандоры, выпустив на волю заточенных в нем духов. В наказание боги прокляли меня и всех остальных воинов, которых ты видишь в этом самолете, заточив демонов в нас самих. Вначале я не мог контролировать своего демона и совершал... плохие поступки, как ты сказала. Но это было тысячи лет назад, и теперь все изменилось. Мы все научились держать своих демонов в узде. Как я уже говорил тебе в камере, ты не должна бояться нас. Тебе ничего не угрожает. Понимаешь, рыжая?

Рыжая. Раньше, когда Гвен охватила паника, он назвал ее как-то иначе. Что-то вроде... любимая? Нет. Любимой называл ее Тайсон. Дорогая? Нет. Но похоже. Милая? Да! Да, именно так. Она моргнула от удивления. От удовольствия. Этот суровый воин, который без колебаний мог перерезать горло человеку, обращался с ней как с бесценным сокровищем.

Но почему же он не ответил на ее поцелуй?

– Мы прибыли в пункт назначения, ребята, – сказал по внутренней связи незнакомый голос, в котором слышалось облегчение. Пилот, догадалась Гвен, и на нее нахлынуло чувство вины за беспорядок, который она устроила на борту. – Приготовьтесь к посадке.

Сабин остался на месте, между ее ног, как нерушимая скала.

– Ты мне веришь, Гвен? Все еще хочешь отправиться к нам домой?

– Я никогда этого не хотела.

– Но и сбежать ты не пыталась.

– Я что, должна была бродить по неизвестной мне стране, под палящим солнцем, без еды и питья?

Он нахмурился.

– Я своими глазами видел, на что ты способна. И мы постоянно предлагали тебе поесть. По какой-то причине часть тебя хочет остаться с нами, иначе тебя давно бы тут не было. Ты это знаешь, и я это знаю.

Логика, которой она не может противиться. Но... почему? Почему часть ее хочет остаться? Тогда или сейчас?

«Ты знаешь ответ на этот вопрос, хотя и не смеешь признаться самой себе. Это из-за него ты здесь. Из-за Сабина. Говоришь, он тебя совсем не интересует?»

Ха! Она взглянула ему в лицо, подмечая тонкие морщинки, разбегающиеся от глаз, тень, отбрасываемую ресницами, напряженные желваки. Неровное биение его пульса громким эхом отдавалось в ее ушах. Может быть, его тоже влечет к ней, но он сопротивляется этому влечению, как и она. Эта мысль доставила ей удовольствие.

А вдруг в Будапеште его ждет женщина? Жена?

Гвен сжала кулаки, ногти впились в ладони, раня нежную кожу. Она больше не чувствовала удовлетворения. «Это не имеет значения. Ты не должна желать его».

– Гвен. Ты пойдешь с нами?

Сабин произнес ее имя так, что в его устах оно звучало одновременно как пощечина и как ласка, резало ей слух и заставляло трепетать. Ей нравилось сознавать, что он нуждается в ее помощи, хотя она и подозревала, что в случае отказа он может принудить ее.

– Может, мне следовало сбежать.

– Зачем? Чтобы обречь себя на жизнь, полную сожалений? Всю жизнь упрекать себя в том, что не отомстила тем, кто причинил тебе боль? Я предлагаю тебе шанс помочь мне убить охотников. Кроме того, ты можешь извлечь выгоду из нашего сотрудничества.

– О чем ты?

– Я могу научить тебя контролировать своего зверя, как я контролирую демона. Ты ведь хочешь укротить его?

Всю свою жизнь Гвен лелеяла три сокровенных желания: встретить отца, заслужить уважение своей семьи и научиться контролировать свою гарпию. Если Сабин выполнит свое обещание, сбудется по крайней мере одно из желаний. Может быть, он слишком переоценивает свои силы и обречен на гибель, но искушение было сильно, и Гвен не могла ему противостоять.

– Я пойду с тобой, – сказала она. – И помогу всем, чем смогу.

На его лице отразилось бесконечное облегчение, он закрыл глаза и улыбнулся:

– Спасибо.

Улыбка смягчила суровые черты его лица, вновь придавая ему мальчишеское обаяние. Гвен жадно вглядывалась в это лицо, когда самолет вдруг резко тряхнуло. Сабина отбросило назад, а ее швырнуло вперед. К удовольствию Гвен, расстояние между ними не увеличилось.

– Я согласна, но при одном условии, – добавила она, когда они вернулись на место.

Его лицо застыло, в нем появилось что-то жестокое.

– Что за условие?

– Ты должен пригласить моих сестер.

Может, не прямо сейчас. Гвен было неловко, она не хотела, чтобы сестры видели ее в такой обстановке, чтобы они узнали о том, что с ней случилось. Но она безумно скучала по ним и знала, что эта тоска скоро станет сильнее неловкости.

– Пригласить твоих сестер? Ты хочешь, чтобы мой дом кишел гарпиями?

– Постарайся выказывать радость, а не отвращение, – обиженно сказала она. – Мои сестры кастрировали мужчин и за куда более невинные проступки.

Сабин ущипнул себя за переносицу.

– Конечно. Хорошо. Приглашай их. И да помогут нам боги.

Глава 7

Парис сидел, сгорбившись, на заднем сиденье внедорожника, Страйдер вцепился в руль и гнал на полной скорости, не обращая внимания на дорожные знаки. Солнце заливало Будапешт, но даже крошечный лучик не мог дотянуться до Париса. Окна были затонированы так старательно, что салон машины утопал в полумраке. Аня, возлюбленная Люсьена и полубогиня Анархии, угнала эту машину боги знают откуда – а еще вторую такую же и «бентли» для себя – незадолго до того, как они отправились в Египет.

– Не стоит меня благодарить, – сказала она, лучезарно улыбаясь. – Мне достаточно видеть ваши перепуганные физиономии. Да, эти тачки похожи на лимузины, на которых разъезжают гангстеры, но вам, ребята, не помешает сменить имидж, и эти машины – как раз то, что нужно.

К несчастью, Парис оказался в одной машине с Аманом, который сильно сжимал голову, будто боялся, что она вот-вот взорвется, мрачным Аэроном, которому явно нужна была его маленькая подруга – демоница Легион, а также Сабином и его гарпией.

Сабин не мог оторвать глаз от этой опасной, вырывающей врагам глотки женщины. Ему так и не удалось справиться со своей эрекцией после того поцелуя в самолете. Вполне объяснимо, конечно. Девушка была бесподобно хороша, с золотыми глазами, сверкающими, как бриллианты самой чистой воды, губами алыми, как спелое яблоко Евы, и телом, которое было воплощением искушения. А эти рыжие волосы... И все же не стоит забывать, что это гарпия, ее обнаружили в лагере противника, а значит, ей нельзя доверять.

Может быть, ее истязали, как остальных пленниц. Может быть, она ненавидела охотников так же сильно, как и он. Может быть...

Но этого было недостаточно, чтобы заслужить его доверие. Больше нет. Она могла быть наживкой, прелестной ловушкой, которую устроили охотники и в которую попались Владыки.

Парис не хотел, чтобы Сабин уподобился ему: желать врага каждой клеточкой своего тела и не иметь возможности обладать ею.

Минуту, час, месяц, год назад – он не знал точно, время уже не имело для него никакого значения – Парис попал в засаду охотников и был брошен в темницу. Поскольку его тело служило приютом демону Разврата, чтобы выжить, ему нужен был секс. Ежедневный секс, хотя бы раз в день, но никогда с одной и той же женщиной. В той камере, привязанный к каталке, он настолько ослабел, что едва мог открыть глаза. Не желая убивать Париса до тех пор, пока не отыщется ларец Пандоры, – а смерть тела означала, что демон вырвется на волю и будет беспрепятственно бродить по земле, – они прислали к нему ее. Сиенну. Невзрачную, покрытую веснушками Сиенну, с тонкими руками и неразбуженной чувственностью.

Она соблазнила Париса, многократно увеличив его силу. И впервые, после того как демон овладел им, Париса снова потянуло к той же женщине. В то мгновение он понял, что она принадлежит ему. Парис знал, что она создана для него, что она – причина, по которой он все еще ходит по этой земле. Причина, по которой смерть щадила его тысячи лет. Но ее собственные сообщники убили ее, когда Парис пытался сбежать вместе с ней.

Она умерла у него на руках.

Он и теперь вынужден был каждый день делить постель с новой женщиной, а если не мог найти женщину, то с мужчиной, хотя собственный пол никогда не привлекал его. Для демона Разврата разницы не было – секс есть секс. Это обстоятельство вызывало у Париса жгучий стыд.

И все же кое-что изменилось. Теперь, чтобы заняться сексом, ему приходилось представлять себе лицо Сиенны. Он вынужден был рисовать в своем воображении ее лицо, чтобы довести дело до конца, потому что каждая клеточка его тела знала – женщина под ним не та. Не тот запах, не те изгибы тела, не тот голос. Все не то.

Сегодня будет то же самое. И завтра. И послезавтра, и через много-много дней. Вечность. И не было конца этому. Только смерть, которую он еще не заслужил. Он не мог позволить себе умереть, пока не отомстит за Сиенну. Но случится ли это когда-нибудь?

«Ты не любил ее. Это было наваждение».

Мудрые слова. Кому они принадлежат? Его демону? Ему самому? Он больше не знал. Не мог больше отличить один голос от другого. Они были одним существом, двумя половинами единого целого. И оба на пределе, могли сорваться каждую минуту.

До тех пор, пока...

Парис погладил мешочек с сушеной амброзией, лежавший у него в кармане, и с его губ сорвался вздох облегчения. Он все еще тут. Теперь он постоянно носил с собой это могущественное средство. Просто на всякий случай. И этот случай представлялся довольно часто.

Только амброзия, смешанная с вином, приводила к желанному результату – одурманивала его, погружая в забытие. Правда, длилось оно недолго. С каждым днем ему приходилось добавлять все больше амброзии, чтобы достичь вожаденного кайфа.

Приходилось просить друга красть все больше амброзии. Боги знают, что он заслужил несколько часов передышки, возможность утратить себя на некоторое время, уйти от реальности. После этого он проснется освеженным, окрепшим, готовым сразиться с врагом.

Он приказал себе не думать сейчас об этом. Как только они доберутся до крепости, ему придется кое-что сделать. Работа важнее всего. Он заставил себя сосредоточиться на пейзаже за окном машины, отключил разум. Промелькнули многочисленные дворцы, разгуливавшие по улицам люди. Их сменили поросшие лесом холмы, забытые, заброшенные.

Внедорожник подскочил на каменистом выступе и начал подниматься на один из этих холмов, огибая деревья и небольшие сувениры, которые он и его друзья оставили для охотников, которые могли набраться храбрости и напасть на них. Один раз такое уже случилось.

Около месяца назад они ворвались в крепость и подорвали его дом – дом, в котором он прожил много столетий. Из-за этого воинам пришлось сделать на скорую руку ремонт, прежде чем отправиться в очередное путешествие. Нужна была новая мебель, новая бытовая техника. Ему все это совсем не нравилось. В последнее время в его жизни и так много перемен: в крепости появились женщины, старые заклятые друзья, вновь вспыхнувшая война... Он чувствовал, что его силы на исходе.

Впереди показалась крепость, чудовищно массивное сооружение из камня. Выщербленные стены оплел плющ, стирая разницу между землей и делом человеческих рук. Единственное, что разделяло их, – железные ворота, еще одно новшество.

Воздух заискрился от нетерпения. Тела напряглись, все затаили дыхание. Так близко...

Торин, следивший за ними из крепости при помощи мониторов и сенсоров, открыл ворота. Когда они добрались наконец до высокой арочной двери, Аэрон так стиснул подлокотник, что тот треснул.

– Немного волнуешься, да? – спросил Страйдер, глядя на него в зеркало заднего вида.

Аэрон не ответил. Вряд ли он вообще слышал вопрос. Его покрытое татуировками лицо выражало лишь решимость и гнев. Не с таким лицом он обычно встречал Легион.

Машина остановилась, и все высыпали наружу. Обжигающий солнечный свет обрушился на его тело, футболка и джинсы моментально промокли от пота. О, боги, неужели в аду так же жарко?

Выбравшись из машины, маленькая гарпия отошла в сторону, обхватив себя тонкими руками, ее глаза были расширены, лицо побледнело. Сабин следил за каждым ее движением. Он не оторвал от нее взгляда, даже когда сумка, которую он выдернул из багажника, упала ему на ногу.

Как столь свирепое существо, как гарпия, может быть таким робким и пугливым? Это было невозможно, невысказано. Словно две части от двух разных головоломов, сложенные вме-

сте, – вот на что была похожа Гвен, и Парис вдруг подумал, что, пожалуй, прежде, чем сажать в машину, ей стоило бы завязать глаза.

Запоздалая мысль. Впрочем, они ведь всегда могут вырезать ей язык, чтобы она не болтала, предположил он. Или отрезать руки, чтобы она не могла писать и жестикулировать.

Кто же ты такая?

До встречи с Сиенной он первым бросился бы на защиту женщины. Теперь все иначе. То, что он – пусть даже мысленно – хотел причинить ей вред, должно было заставить его устыдиться. Вместо этого он сердился на себя за то, что не позаботился о безопасности своих друзей. Все возможные угрозы должны быть устранены. Много лет остальные воины пытались убедить его в этом, но он был непреклонен. Сейчас он наконец понял.

Впрочем, сейчас уже поздно было об этом думать. Сабин не позволит дотронуться до нее даже пальцем. Парень пропал. Даже в прошлом, до того, как между группой Люсьена и воинами Сабина пролегла пропасть, Парис не видел своего друга до такой степени увлеченным женщиной. Ничего хорошего в этом нет. Если робость и неуверенность девушки не игра, Сабин уничтожит ее, постепенно подорвав самооценку.

Мэддокс выбрался из второго внедорожника, Парис заметил лишь темный силуэт. Одержимый демоном Насилия бросился к дому, не потрудившись даже забрать свою сумку. Дверь распахнулась, и на крыльцо, смеясь и плача одновременно, выбежала его беременная женщина. Эшлин бросилась в его объятия, и он закружил ее, прижав к себе. Мгновение спустя они уже слились в жарком поцелуе.

Сложно было представить свирепого, неукротимого Мэддокса в роли отца – даже если учесть, что ребенок, как и все Владыки, будет наполовину демоном.

Затем появилась Даника, она замерла на пороге и обвела взглядом воинов, пытаясь отыскать среди них Рейеса. Заметив его, прелестная блондинка взвизгнула от радости. Для Рейеса этот крик был подобен брачному зову; стиснув кинжал, он направился к своей возлюбленной.

Одержимый демоном Боли, Рейес не мог испытать наслаждение без физических страданий. До встречи с Даникой воину приходилось резать себя сутки напролет, просто чтобы выжить. Во время пребывания в Каире он не нанес себе ни одного увечья. По его словам, разлука с Даникой сама по себе была болезненна для него. Теперь, когда они воссоединились, ему снова придется калечить себя, но Парис не думал, что кто-то из них двоих обращает на это внимание.

Издав полное страсти рычание, Рейес подхватил Данику на руки, и они исчезли в крепости. Смех Даники эхом отозвался от стен.

Парис потер грудь, в которой внезапно вспыхнула боль, молясь, чтобы она утихла. Но надежды на это было мало. Облегчение ему может принести только амброзия. Каждый раз, когда он видел влюбленную пару, боль распускала свои щупальцы, словно паразит, высасывавший из него жизнь. Единственное облегчение ему приносило тяжелое алкогольное забытие.

Люсьена, который предпочитал свой собственный, молниеносный способ передвижения долгому перелету на самолете, нигде не было видно. Наверное, заперлись с Аньей в их комнате. Что ж, и на том спасибо.

Парис заметил, что гарпия наблюдает за влюбленными парочками так же внимательно, как и он. То ли ей доставляло удовольствие это зрелище, то ли она надеялась как-то использовать эту информацию против них.

Хвала богам, других женщин в их резиденции не было. Ни одной женщины, которую Парис мог бы соблазнить и затем бросить ради другой. Джилли, юная подруга Даники, сейчас снимала квартиру в городе. Ей хотелось иметь свой угол. И они сделали вид, что уступили. Она понятия не имела, что Торин подключил ее жилище к своей системе наблюдения. Бабушка Даники, мать и сестра вернулись в Штаты.

– Идем, – сказал Сабин гарпии.

Она не послушалась, и он поманил ее пальцем.

– Эти женщины... – прошептала она.

– Они счастливы, – с уверенностью ответил Сабин. – Они бы лично поприветствовали тебя, если бы не радовались так возвращению их мужчин.

– Они знают?.. – проговорила она и умолкла.

– О да. Они знают, что их мужчины одержимы демонами. А теперь идем.

Он помахал ей.

Она все еще колебалась.

– Куда ты меня отведешь?

Сабин ущипнул переносицу. В последнее время это, кажется, вошло у него в привычку.

– Входи или оставайся здесь, я не намерен ждать, когда ты наконец на что-нибудь решишься.

Сердитые шаги, грохнувшая дверь.

С любим другим он даже разговаривать бы не стал, просто поднял бы и перебросил через плечо, подумал Парис. А ей предоставил право выбора. Очень умно.

Гарпия посмотрела направо и налево, и Парис напрягся, готовый в любую минуту броситься в погоню. Он, правда, сомневался в том, что ему удастся поймать ее, если она снова включит сверхскоростной режим, как тогда, в подземелье. Но он готов был сражаться с ней, если это будет необходимо.

В его голове вдруг раздался еще один тревожный сигнал. Она могла бы сбежать, прямо здесь и сейчас. И раньше, до того, как они сели в самолет. Черт побери, да она могла удрать из лагеря, который они разбили в пустыне. Почему же она этого не сделала? Вполне возможно, что она – наживка, как он и подозревал, и осталась, чтобы выведать о них все, что могла.

Сиенна, хотя она и отрицала это, тоже была наживкой. Она целовала его, и она же отравила его... а ведь она была простой смертной. Какой же вред может причинить гарпия?

«Пусть Сабин об этом беспокоится. У тебя своих забот хватает».

Наконец Гвен решила последовать за Сабиним и нерешительно двинулась к двери.

– Пленников надо допросить, – сказал Парис, не обращаясь ни к кому конкретно.

Камео отбросила темные волосы за плечо и наклонилась, чтобы взять свою сумку. Никто не предложил ей помощь. С ней обращались так, будто она была одним из парней, она сама этого хотела. По крайней мере, так он себе всегда говорил. Парис и не пытался обращаться с ней иначе, потому что у него никогда не возникало желания уложить ее в постель. Может быть, они были не правы и ей нужно было, чтобы время от времени ее баловали.

– Может, завтра, – сказала она, и от звуков ее трагического голоса у него едва не закровоточили барабанные перепонки. – Мне нужно отдохнуть.

Не сказав больше ни слова – слава богам, – она вошла в дом.

Парис хорошо знал женщин и ни минуты не сомневался в том, что она лжет. Ее глаза сияли, на щеках горел румянец. Она выглядела не утомленной, а возбужденной. С кем же она собиралась встретиться?

В последнее время ее часто видели с Ториним и... Парис моргнул. Нет, конечно нет. Торин не мог прикоснуться к кому-либо, не заразив смертельной болезнью, потом эпидемия этой чумы опустошила бы землю. Опасность угрожала даже бессмертным. Бессмертный не умер бы, но стал бы таким, как Торин, который не мог познать любовь без ужасных последствий.

Но, что бы они там ни замыслили, сейчас это не имело значения. У него есть работа.

– Есть желающие? – поинтересовался Парис у оставшихся воинов.

Ему хотелось скорее покончить с этим дерьмом. Чем скорее он выбьет из охотников информацию, тем скорее сможет забаррикадироваться в своей комнате и на время оставить реальный мир.

Страйдер сделал вид, что ничего не слышал, и, насвистывая сквозь зубы, зашагал к двери. Что за черт? Никто не ценил потерпевших поражение так, как Страйдер.

– Страйдер, дружище. Я знаю, ты слышал меня. Поможешь мне с допросом?

– Да ладно тебе. Это может подождать до завтра. Они же никуда не денутся. Мне нужно отдохнуть. Завтра чуть свет я буду к твоим услугам, бодр и свеж, как Камео. Клянусь богами.

Парис вздохнул:

– Хорошо. Иди. – Неужели Камео встречается со Страйдером? – А что насчет тебя, Аман?

Аман кивнул в знак согласия, но потерял равновесие, пошатнулся и со стоном рухнул на нижнюю ступеньку крыльца.

Через мгновение Страйдер оказался рядом, обняв Амана за талию:

– Дядя Страйди здесь, не волнуйся.

Он поднял обычно такого стойкого Амана на ноги и подхватил бы его на руки, если бы потребовалось. Но, собрав остатки сил и опираясь на Страйдера, Аман побрел к двери, едва переставляя ноги и изредка спотыкаясь.

– Я помогу тебе с охотниками, – сказал Аэрон, подходя к Парису.

Это предложение чертовски удивило Париса.

– А как же Легион? Она, наверное, соскучилась по тебе.

Аэрон покачал головой. Волосы его были коротко острижены, и череп поблескивал на солнце.

– Она бы уже бросилась ко мне на шею, если бы была здесь.

– Извини.

Никто лучше Париса не знал, каково это – тосковать по женщине. Хотя, надо признать, он был очень удивлен, обнаружив, что этот гибкий и крепкий маленький демон – женщина.

– Это к лучшему. – Аэрон провел по лицу рукой с набухшими венами. – Что-то... следит за мной. Я чувствую чье-то присутствие. Могущественное. Это началось примерно за неделю до того, как мы отправились в Каир.

Парис похолодел от страха.

– Что за дурацкая привычка у тебя скрывать важную информацию? Ты должен был сказать нам сразу, как только заметил слежку. Точно так же ты должен был рассказать нам о том, что случилось с титанами в тот самый день, когда вернулся с небес несколько месяцев назад. Кто бы ни следил за тобой, он мог бы предупредить охотников о том, что мы идем по их следу. Мы могли...

– Ты прав, и мне жаль, что так вышло. Но я не думаю, что тот, кто следит за нами – кто бы это ни был, – работает на охотников.

– Почему? – требовательно спросил Парис, желая разобраться в том, что происходит.

– Мне знакомо ощущение, когда на тебя устремлен ненавидящий, осуждающий взгляд, сейчас все иначе. Этот взгляд... любопытствующий.

Он немного расслабился.

– Может, это кто-то из богов.

– Не думаю. Легион не боится богов, а это существо внушает ей страх. Вот почему она предпочла отправиться на разведку в ад по поручению Сабина. Она сказала, что вернется, только когда эта слежка закончится.

В голосе Аэрона прозвучало беспокойство, причин которого Парис не понимал. Да, Легион была маленьким демоном, питавшим особое пристрастие к диадемам, – они обнаружили это не так давно, когда она стащила одну из диадем у Аньи и гордо дефилировала в ней по крепости, – но она вполне могла позаботиться о себе.

Парис внимательно осмотрелся.

– Эта твоя тень сейчас здесь? – Вот только еще одного врага им недоставало. – Может, мне удастся соблазнить эту... это... в общем, отвлечь его внимание от тебя.

И убить. Кто знает, что этому наблюдателю уже удалось выведать.

Аэрон покачал головой:

– Честно говоря, я не думаю, что оно хочет навредить нам.

– Тогда ладно. Разберемся с этим позже. Просто дай мне знать, когда оно вернется. А прямо сейчас зай мемся темницей, полной придурков.

– Ты заметил, что с каждым днем все больше уподобляешься смертным? – сказал Аэрон, но в его голосе не было осуждения. Он вынул мачете из петли на спине. – Вероятно, охотники будут сопротивляться.

– Только если нам повезет.

Торин, одержимый демоном Болезни, сидел за своим столом, но взгляд его был устремлен не на мониторы, связывающие его с внешним миром, а на дверь его спальни. Он видел, как внедорожник подъехал к крепости, и мгновенно возбудился. Он смотрел, как воины выходят из машины, и ему пришлось положить ладонь на возбужденную плоть, чтобы усмирить внезапную боль. Один за одним воины исчезали в крепости. В любой момент...

Камео неслышно проскользнула в его комнату и тихо закрыла за собой дверь. Поворачивая ключ в замке, она несколько секунд стояла к Торину спиной. Водопад длинных темных волос, завивающихся на концах, ниспадал до талии.

Однажды она позволила ему дотронуться до одного из ее локонов пальцем без перчатки, осторожно, очень осторожно, чтобы не коснуться кожи. Это был его первый настоящий контакт с женщиной за несколько сотен лет. Он чуть не кончил от одного только прикосновения к этим шелковистым волосам. Но это мимолетное прикосновение – все, что она могла ему позволить, а он и не осмелился бы на большее, зная, чем это грозит.

По правде сказать, Торин удивлялся, что они все-таки решились на большее. Конечно, при условии, что он будет в перчатках. В этом случае шанс заразить Камео равнялся нулю. Но прикосновение волос к коже, мужчины к женщине? Для этого требовалась смелость и доверие с ее стороны и его отчаяние и глупость. Волосы – не кожа, но что, если бы его палец соскользнул? Если бы она случайно коснулась его? По какой-то неизвестной причине никто из них не подумал о возможных последствиях.

В последний раз, когда он дотронулся до женщины, вымерла целая деревня. Черная чума, так называли эту болезнь. Она жила в нем, бурлила в его венах, ее смех раздавался в его голове. Все последующие годы Торин не раз пытался очистить кожу и тер ее, пока не выступала черная кровь. Наконец он понял, что никогда не сможет избавиться от живущего в нем вируса.

За минувшие столетия он научился игнорировать постоянное ощущение грязи, испорченности, скрывая его за улыбками и мрачным юмором, но так и не смог подавить в себе стремление к тому, что было ему недоступно, – к отношениям. Камео по крайней мере понимала его, знала, с чем ему приходится бороться, что он может и чего не может, и не просила большего.

А он хотел, чтобы она попросила о большем, и ненавидел себя за это.

Она медленно повернулась к нему. Ее губы были алыми и влажными, словно она кусала их, на щеках горел румянец. Ее грудь поднималась и опускалась, следуя за учащенным дыханием. Его собственное дыхание опаляло ему горло.

– Мы вернулись, – сказала она, вздохнув.

Торин не пошевелился, лишь изогнул бровь, словно ему все было безразлично.

– Ты не ранена?

– Нет.

– Хорошо. Раздевайся.

С тех пор как несколько месяцев назад он коснулся ее волос, они стали лучшими друзьями. С некоторыми привилегиями. Правда, самоудовлетворение на глазах другого – привилегия сомнительная, но все же... И она чертовски все усложняла. Здесь и сейчас... в будущем. В один прекрасный день ей понадобится любовник, который сможет дотронуться до нее, зани-

маться с ней любовью, входить и выходить из нее, целовать ее, пробовать на вкус, обнимать. Тогда Торину придется отойти в сторону и постараться не прикончить мерзавца.

Ну а пока...

Она не повиновалась.

– Может, я неясно выразился, – сказал он. – Я хочу, чтобы ты разделась.

Потом Камео накажет его за то, что он осмелился ей приказывать. Он хорошо ее знал, знал, как отчаянно она старается доказать, что ни в чем не уступает мужчинам. Теперь ею овладело желание. Он чувствовал сладостный аромат ее возбуждения. Она не сможет долго сопротивляться.

И правда, сжав дрожащими пальцами край футболки, она стянула ее через голову. Черный кружевной бюстгальтер. Его любимый.

– Хорошая девочка, – похвалил он.

Ее глаза сузились, взгляд устремился на выпуклость на брюках, скрывавшую его напряженную плоть.

– Я же велела тебе раздеться к моему возвращению. Ты – плохой мальчик.

Он уже привык к ее скорбному голосу и не содрогался, как другие. Ни внешне, ни в душе. Этот голос был частью ее самой. Для него это была трогательная мелодия, эхом отзывавшаяся в его собственной душе.

Торин выпрямился во весь рост, чувствуя, как напряжено все его тело.

– А я когда-нибудь был хорошим?

Зрачки Камео расширились, соски затвердели. Ей нравилось, когда Торин поддразнивал ее, бросал ей вызов. Может быть, потому, что она знала – цена приза тем выше, чем больше труда вложено в то, чтобы его заполучить.

Он желал только одного – обладать достаточной силой духа, чтобы хоть раз выйти из схватки с ней победителем. В конце концов она всегда брала верх. У него был небольшой опыт общения с женщинами, и то, что происходило между ним и Камео, приводило его в отчаяние, но он всегда держался стойко.

– Я разденусь, когда ты снимешь с себя всю одежду, – хрипло сказал он. – Ни секундой раньше.

Решительное обещание, которое, по всей вероятности, он не сможет сдержать.

– Посмотрим...

Камео повернулась, и черные волосы взметнулись у нее за спиной. Очень медленно она приблизилась к туалетному столику. Не сводя глаз с Торина, поставила ногу в ботинке на стул перед собой. Никогда еще расшнуровывание ботинок не выглядело столь сексуально. Сняв первый ботинок, она швырнула его в Торина. Он увернулся, едва заметно наклонив голову. Второй ботинок ударил его в грудь. Он не мог оторвать от нее глаз даже для того, чтобы уклониться от столкновения.

Вжик. Брюки соскользнули на пол, и она переступила через них.

Черные кружевные трусики в пару к бюстгальтеру. Великолепно. Везде оружие. Замечательно.

У Камео была маленькая упругая грудь, и он знал, что соски ее подобны розовым бутонам. На правом бедре у нее красовалась маленькая овальная родинка. Он готов был отдать все, лишь бы иметь возможность коснуться ее языком... Но что возбуждало, буквально воспламеняло его – сверкающая татуировка в виде бабочки, обнимавшая ее бедра.

Если смотреть на эту татуировку только с одного бока или спереди, почти невозможно понять, что собой представляет этот переливающийся, ослепительный узор. Только когда она поворачивалась к нему спиной, татуировка принимала форму бабочки. Ах, как ему хотелось провести кончиком языка вдоль линий этого замысловатого рисунка, по каждой зазубринке, каждой впадинке.

У него тоже была татуировка на животе, но в виде оникса в алой оправе. Вообще, татуировки-бабочки были у всех воинов, хотя и в разных местах. Но он никогда не испытывал желания прикоснуться руками, губами или телом к меткам, украшавшим тела других воинов.

Камео избавилась наконец от своего оружия, сложив его грудой на полу. Она выгнула бровь.

– Твоя очередь.

Ее голос дрожал, словно все происходящее волновало ее куда сильнее, чем она хотела показать.

Он находил в этом эгоистическое утешение.

– Ты не раздета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.